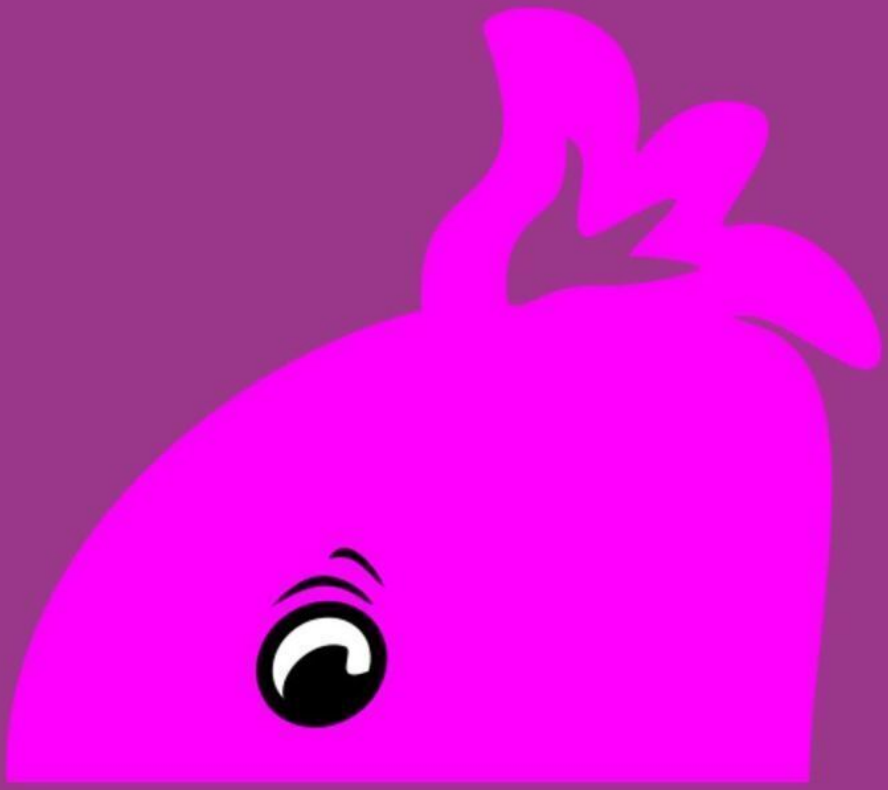
Любовь Чернега

ТАЙНА ОДНОГО ЗАБОРА

комическое расследование

Любовь Чернега

Тайна одного забора. Комическое расследование

«Издательские решения»

Чернега Л.

Тайна одного забора. Комическое расследование / Л. Чернега — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854853-6

Монотонная и скучная жизнь деревенских жителей заканчивается в тот момент, когда администрация принимает решение найти и обезвредить нарушителей общественного порядка. Назначаются ночные дежурства, которые приводят к массе комических ситуаций. Батальон защитников-старичков, сговор местных бабушек, черти и любовные треугольники — это только небольшая часть того, с чем придется столкнуться участковому, чтобы найти главных виновных.

ISBN 978-5-44-854853-6

© Чернега Л.
© Издательские решения

Тайна одного забора
Комическое расследование

Любовь Чернега

© Любовь Чернега, 2024

ISBN 978-5-4485-4853-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

– От я им всем покажу! Они еще пожалеют… – ехидно посмеиваясь и довольно потирая руки, повторяла баба Надя, измазывая пятые ворота прокисшей сметаной. Рожицы получались довольно таки скверные и мало похожие на рожицы, хотя в то же время имели свою индивидуальность.

– Мы-то в художественной школе и не научались, портреты не рисовали, но ответить, конешно же, непременно, – ворчала баба Надя, осматривая встречающую рассвет улицу и на глаз определяя следующую жертву.

Ворота Жлобиных казались наиболее привлекательными, но из-под них угрожающе выглядывали челюсти Бобра – Жлобинского мастиффа, что напрочь развеивало желание использовать ворота как холст.

– Ну, едрить твою налево, во жлобы, цепочки для собаки пожалели, – сплюнув недовольно в их сторону, портретистка баба Надя поплелась домой, решив измазать остатками сметаны ворота соседки Люси, кот которой вечно драл ее кота Васю.

Сметана закончилась на левом глазу, кроме того, левое ухо также не успело обозначиться. Солнце уже поднималось, петух Люси, нервно похаживая по забору, сверху вниз осматривал творение человеческих рук. Видно художественного замысла он таки не понял, так как, после полного досмотра шедевра, слетел с забора и клюнул бабу Надю прямо в зад, та же, глубоко обидевшись, швырнула в петуха тапком. Звук шлепающегося тапка разбудил соседского пса Шурика, славившегося самым громким лаем в округе. Шурика сразу же поддержал Бобер и все остальные собаки прилегающей местности. Самое досадное заключалось в том, что петуха тапком не задело. Вернув тапок на место, баба Надя поспешила домой. Открыв калитку, она оглянулась назад и, окинув взглядом Люськины ворота, разочаровано покачала головой.

– И, едрить твою налево, все-таки подруга, нехорошо как-то без глаза.

Под нескладный лай домашней живности, баба Надя вытащила из кармана помидор, сорванный ранее на крайний случай, поспешно вернулась к забору соседки и размазала овощ на месте предполагаемого размещения глаза. В этот момент петух Люси громко сообщил деревне о наступлении утра очередного дня, за что получил остатками помидора по голове. Громкое «Ку-ка-ре-ку» оборвалось, а сам источник звука свалился с забора. Мелко засеменив по щебенчатой дороге, баба Надя пошла отдыхать.

– Да уж… – многозначительно промолвил местный интеллектуал Сергей, сидевший на крыше дома и рассматривающий, до появления бабы Нади, поредевшее и посветлевшее уже не звездное небо. – Хотя… А чем еще заниматься? – он пожал плечами, посмотрел еще раз на небо и, выплюнув соломинку, полез вниз.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

– А, шоб им повылазило, – во двор бабы Нади прорвалась соседка Люська и, не церемонясь, начала рыскать по дому, в поисках подруги. – Во люди, сметаны не пожалели, – не найдя никого в доме, кроме одиноко читающего инструкцию к пачке макарон деда Ивана, она продолжила поиски на участке.

Баба Надя отозвалась из уличного санузла, тонко намекнув, что выйдет позже.

– Дак, сметана то прокисшая, во люди, еще б этими… экскрементами б обмазали, – громко цитировала свои возмущения Люська, облокотившись о грушу, стоящую рядом с санузлом. – Надь, да ты выходи, ты это уже видела, а? Так у Еремкиных то рожа улыбающаяся, а у меня что? Еще и без уха… И петуха моего не видно… Надь, да ты не волнуйся, ты выходи, пойдем, покажу, – возмущение Люси достигло предела, и она попыталась пройти к подруге. Баба Надя со своей стороны пыталась удержать ручку туалета, но Люся не сдавалась. – Вот узнаю, кто безобразничает, уши поотрываю. И ведь не спится кому-то. Надь, ты там живая?

– Однако… – многозначительно промолвил интеллектуал Сергей, проезжая мимо на велосипеде, и почесал затылок.

Баба Надя все же сдалась и, нашептывая проклятия, вышла из туалета. Люська не смолкала, вспоминала все имеющиеся в ее словарном запасе ругательства, а также ранние работы Малевича и Шишкина.

– Ты че там делала-то? – наивно спросила Люська.

– Клопов травила, – промычала первое, что пришло в голову баба Надя, и недовольно отмахнулась.

– Клопов??? – растерялась Люська. – Ну да ладно. Ты уже выходила, видела, что творится? Так теперь уже не один забор.

В этой ситуации бабе Наде некуда было вставить слово, что было не свойственно ее натуре. Она пыталась быть участливой и возмущенно кивала, иногда открывала рот, дабы поддержать соседку словесно, но Люсин монолог никак не заканчивался, что начинало раздражать бабу Надю.

– Дак изрисовали как… и чем… и почему-то и на моих воротах. Вот попадись мне под руки эти наглецы. И што придумали, какие-то каракули.

– Да ты шо? Вот подлецы! – неподдельно и громко наконец-то возмутилась баба Надя, увидев на своем заборе знакомую каракулю.

Две давние подруги, перекрикивая друг друга и красноречиво размахивая руками, высказывали свое возмущение ранним воскресным утром на одной из улиц деревни Нескладная.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

На совете собрались все желающие активисты деревни и местная интеллигенция в лице Сергея, приглашенного и приведенного лично деревенским головой Степаном Арсеньевичем. В зале клуба было шумно, все собравшиеся высказывали свое мнение по вопросу дня, а попутно раскрывали тему отношений продавщицы Леночки с шофером Васей и запоя сторожа Никифора Мирославовича.

– Предлагаю собрание считать открытым, – Степан Арсеньевич громко стукнул туфлей по столу, грозно посмотрел на затихших собравшихся и надел туфлю на правую ногу.

Сергей отметил важную роль обуви в протекающих процессах, а также отсутствие носка на ноге Степана Арсеньевича и продолжил наблюдение за насекомым, ползающим по цветастому платку доярки Вали, сидящей прямо перед ним.

– На данном этапе у нас имеются семь обезображенных ворот наших односельчан, причем наиболее часто отмечаются безобразия на воротах Гороховой Надежды Афанасьевны, – начал речь Степан Арсеньевич.

Собравшиеся дружно оглянулись на бабу Надю, последняя в свою очередь изобразила глубоко обиженное настроение. Все понимающе сочувственно пожали плечами и вновь обратили свое внимание на Степана Арсеньевича.

– В связи с последними событиями и, дабы пресечь дальнейшие безобразия, мы обратились к местному представителю правоохранительных органов Алексею Николаевичу Безухову. Алексей Николаевич, Вам слово, – Степан Арсеньевич одобрительно посмотрел на участкового, сидевшего в первом ряду, и жестом пригласил его к трибуне.

В зале наметилось оживление, баба Надя съежилась, Люська ободряюще похлопала ее по плечу, а Сергей с сожалением отметил, что насекомое переползло на лицевую поверхность платка доярки Вали. Алексей Николаевич важно прошел к трибуне и грозно осмотрел зал, давая понять окружающим, что дело очень серьезное и все виновные уже заранее известны.

– Согласно имеющимся данным, двадцать восьмого июля сего года гражданкой Гороховой Надеждой Афанасьевной… – начал он, зал притих, все внимательно посмотрели на выступающего. – Были обнаружены некие надписи на ее заборе, содержание которых не сохранилось в документах, так как они были поспешно стерты после предъявления односельчанам. Позже, тридцатого июля того же года, на заборе выше указанной гражданки вновь были обнаружены надписи, содержание которых также не сохранилось, но, по показаниям очевидцев, вполне возможно, что они были идентичными. После, еще трижды надписи появлялись на том же заборе, и, как утверждают очевидцы и сама пострадавшая, содержание их не отличалось разнообразием. Сегодня надписи появились на заборах еще шестерых мирных жителей деревни.

Алексей Николаевич откашлялся и, грозно осмотрев присутствующих, остановил свой взгляд на бабе Наде, отчего у той началась икота.

– В результате проведенного расследования было отмечено, что, во-первых, злодеяния повторялись с периодичностью раз в два дня, во-вторых, инструментом, точнее материалом для нанесения повреждений, являлась сметана, причем прокисшая. В результате более тщательного обследования отмечаются две особенности. Первая: в росписи ворот гражданки Акимовой Александры Егоровны применен помидор свежий; и вторая: ворота гражданки Гороховой обезображены сметаной не прокисшего качества, что может свидетельствовать о том, что ее ворота были отмечены рукой преступника первыми… – Степан Арсеньевич вопросительно посмотрел на участкового, тот задумался и уточнил. – Или последними… – сельский голова приподнял брови и вновь критически посмотрел на него. – Или, если брать во внимание то, что символы, отмеченные на воротах выше указанной жертвы, то есть гражданки Гороховой, отличаются от остальных символов, мы можем предположить, что преступная группировка состоит как минимум из двоих участников.

При словах «преступная группировка» зал дружно ахнул, а доярка Валя с визгом подскочила и начала обмахивать себя руками.

– Но не стоит так реагировать. Вы находитесь под надежной охраной, и мы надеемся, что жертв не будет. – пытался перекричать волнения в зале участковый.

Зал еще раз ахнул при слове «жертв» и заинтересованно посмотрел на доярку Валю. Последняя невозмутимо попыталась сесть на место, что вовремя предотвратил интеллигент Сергей, убрав сиденье, дабы спасти насекомое, вид которого он пока не определил. Весовая категория доярки дала о себе знать глухим звуком при приземлении на вымытый предварительно местной уборщицей Катериной Павловной пол. Катерина Павловна, стоявшая со шваброй около входных дверей, еще раз аккуратно, со знанием дела, протерла пол вокруг себя плохо отжатой тряпкой. Так как конструкция пяти ближайших стульев была цельной, а вес доярки внушительный, блок из пяти сидений второго ряда совместно с нагружающими их

людьми плавно завалился на третий ряд, вызвав возмущение сидящих в критической зоне. Терпение сдерживающегося до этого деда Ивана, сидевшего как раз на границе падающих стульев, в неподвижной их части, лопнуло, и он тихо засмеялся, но грозный взгляд успевшей встать и отряхнуться доярки пресек это выражение эмоций. Дед Иван резко запнулся и поперхнулся. Жестикулируя руками и медленно синея, он пытался привлечь к себе внимание представителей медицины, но привлек внимание доярки Вали. Последняя, элегантно «бабочкой» перепорхнула троих сограждан, отделяющих ее от пострадавшего и не успевших принять устойчивое положение после падения, схватила несчастного за плечо одной рукой, второй с силой ударила по спине. Вставная челюсть деда Ивана покинула последнего и устремилась на стража порядка. Алексей Николаевич, пытаясь взглядом профессионала определить место остановки челюсти, дабы уклониться, был-таки поражен ею прямым попаданием в левое ухо.

– И таки попал, – констатировал Сергей, закрывая пойманное насекомое в спичечном коробке.

К этому времени подоспел доктор Семен Васильевич, проживающий прямо напротив клуба, кто-то из граждан, видимо, успел сообщить ему о трагедии. Семен Васильевич был человеком, переживающим за здоровье односельчан, бежал быстро, а пол около входной двери был предварительно вымыт уборщицей Катериной Павловной. Пробегая мимо, доктор поскользнулся, зажал швабру между ног, виртуозно их вытянул и, схватившись за ту же швабру, красиво преодолел расстояние от входных дверей до первого ряда, попутно сбивая шваброй головы крайних сидящих, решивших проследить за его движением. Рядов было всего шесть, кроме того, дед Петр, сидевший в первом ряду, успел уклониться. Катерина Павловна подошла к доктору и аккуратно вынула швабру. Дед Иван сглотнул слюну и соболезнующе скривился. В зале наступила тишина, Семен Васильевич попытался достойно встать, но колени не разгибались и он, в согнутом положении, согнав не пострадавшего деда Петю, занял его место.

– Кому доктор нужен? – криво улыбаясь, с силой выдавил Семен Васильевич.

Присутствующие обернулись на деда Ивана. Дед Иван робко присел и вжал голову в плечи. Катерина Павловна по-хозяйски прошла к трибуне, аккуратно отобрала вставную челюсть деда Ивана из рук Алексея Николаевича, протерла ее тряпкой и отнесла хозяину. Дед Иван еще раз сглотнул слюну и спрятал челюсть в боковой карман.

– Ну, лишние члены на нашем собрании не помешают, – Степан Арсеньевич дал понять Семену Васильевичу, что тот может остаться.

В зале захихикали, на что голова снова грозно стукнул туфлей, но уже по полу и дал знак Алексею Николаевичу продолжать.

– По данному делу прошу выслушать свидетелей. Приглашается главный редактор и, по совместительству, собственный корреспондент газеты «Нескладная жизнь» Шмель Сергей Александрович.

Сергей Александрович, представитель местной интеллигенции, вплотную занимался интересным экземпляром насекомого, чудом спасшегося от наседания доярки Вали. В данный момент он с помощью фонарика карманного пытался разглядеть очертания насекомого, помещенного в спичечный коробок. Заметив к себе внимание окружающих, он положил коробок в карман и со скукой посмотрел на потолок.

– Сергей Александрович, Вы можете выступить свидетелем по данному делу? – обратился к нему участковый, на что Сергей отрицательно помахал головой. – Выходите и свидетельствуйте! – убедительно потребовал он, Сергей пожал плечами, но к трибуне вышел. – Вы можете подтвердить, что на заборе вашей соседки Надежды Афанасьевной двадцать восьмого и тридцатого июля, первого, третьего, пятого и седьмого августа были отмечены некоторые надписи? – зачитал Алексей Николаевич.

– Собственно говоря, трудно было их не заметить, она же всю округу оббежала и всем эти надписи предъявила, а я проживаю в соседнем доме, поэтому был одним из первых, кто слышал

ее крики двадцать восьмого и тридцатого июля, а также первого, третьего, пятого и седьмого августа.

– Можете ли Вы что-нибудь сказать о содержании этих надписей?

– Насколько я понял со слов своей соседки Надежды Афанасьевной, надписи содержали сметану, сам я не пробовал, так как считаю, что слизывание сметаны с забора не совсем гигиенично, – зал одобряюще загудел.

– А если рассматривать не физический состав надписей, а художественный? – не отставал Алексей Николаевич.

– В художественном смысле надписи не представляют собой какой-то ценности. Обычные человеческие рожицы, любой школьник мог такие нарисовать, даже Надежда Афанасьевна способна на такое, – Сергей равнодушно посмотрел на бабу Надю, она гордо подняла голову и фыркнула.

– Значит, Вы считаете, что любой житель деревни мог разрисовать ночью ворота вышеупомянутой жительницы?

– Ну почему же любой, у меня, например, нет сметаны, я ее не ем, поэтому дома не держу, – уточнил со скучающим видом Сергей.

– А что Вы можете сказать по надписям, обнаруженным сегодня утром также на воротах Акимовых, Еремкиных, Носиковых, Вороновых, Буряковых и Петровых?

– Надписи несколько отличаются.

– Можете ли Вы еще что-то сказать по этому делу?

– Нет, у меня все, – спокойно сказал Сергей и, получив разрешение участкового, прошел на свое место.

– Для дачи показаний приглашается пострадавшая Горохова Надежда Афанасьевна.

Баба Надя поспешно поднялась на трибуну, оттолкнула участкового и начала свой рассказ.

– Значит, вот. Впервой, двадцать восьмого июля я увидела на своих воротах какую-то мазню. Я определила, шо это была сметана, решила, шо это ребятишки балуются, и быстренько удалила все. Оно бы и ничего, но через день, то есть тридцятово июля, как Вы сказали, снова тож самое. Я, конешно, не могла это так оставить, прошла по соседям и всех опросила, но все ж без толку, молчать, как рыбы. И так ешо скоко-то разов, а сегодня, так это вообще безобразие, скоро все ворота будут разукрашены сметаной, а до этого никому нет дела…

– Вы можете предположить, кто это мог быть? – перебил ее участковый.

– Врагов у меня лично нету, со всеми в хороших отношениях, пакости никому не делаю, коли кому помощь нужна, так всегда помогаю. Подозрений у меня никаких нет. Разве, шо Буряковский Роман – я его не так давно отругала за слишком быстрое ездение на велосипеде, так может злобу затаил… Или вот ешо Еремкина Наташка старшая – я ей сделала замечание в том, шо она белье вывешивала неправильно, всегда делаю я ей эти замечания, так она опять вывешивает по-своему еще и обижается, шо обучаю ее правильно хозяйство вести… А так, шоб сильно кому насолила, так это нет. А вот еще Петровы обижаются, шо я мешаю их семейству жить обосрублено, вмешиваюсь в личную жизнь вроде как, так, я-то ж по-хорошему, советом стараюсь помочь, подсказать, где что неправильно, – закончила свою мысль баба Надя и посмотрела на участкового.

В рядах представителей Буряковских, Еремкиных и Петровых наметилось волнение.

– Вы хотите сказать, что трое из последних пострадавших могли быть виновниками порчи Ваших ворот? – подозрительно, но довольно таки четко намекая на связь последних событий с обвинениями бабы Нади, спросил Алексей Николаевич.

– Нет, я ж не о том, шо они прямо-таки разрисовывали мои ворота, ни в чем их не обвиняю. Это ж коли охота кому беспорядки нарушать, так власти разберутся, и виновные будут наказаны.

– Надежда Афанасьевна, Вы, может, еще что-нибудь хотите сказать по данному делу, что-то сообщить, чего мы не знаем? – намеренно грозно спросил Алексей Николаевич.

– Так, шо говорить то, виновных искать надо, – неуверенно сказала баба Надя и полезла с трибуны.

– Для дачи показаний приглашается пострадавшая Акимова Александра Егоровна, – продолжил участковый и со скукой посмотрел на часы – было время пить чай.

Люська, спотыкаясь через ноги односельчан, быстро прошла к трибуне и вопросительно посмотрела на Александра Николаевича.

– Что Вы можете сказать по данному делу, есть ли у Вас подозрения какие-то или факты, раннее не раскрытые? – поинтересовался Александр Николаевич.

– Факты имеются. Следы преступления есть на моем петухе! Должна сказать, что полдня не могла его найти, а позже он нашелся сам. Он прихрамывал, и на нем были следы помидора, видимо того же, который и на моих воротах размазан. По данному вопросу хотелось бы узнать, положена ли мне компенсация, так как имеется пострадавшая физически сторона. Кроме того, куры всполошились и полдня вели себя шумно, яиц снесли меньше обычного, – возмущалась Люська.

– Есть ли у Вас подозреваемые по данному делу? – подытожил участковый.

Люська посмотрела на бабу Надю, отчего у нее снова началась икота.

– Подозреваемых нет. Однако думаю, что нужно заподозрить всех жителей, располагающих большими запасами сметаны. Вот, например, я сметаной не раскидываюсь, то есть не размазываюсь, к продуктам отношусь с уважением, даже коту не всегда есть возможность дать лишней сметанки. А, поди кому не жаль сметаной вот так распоряжаться, так пущай ее в город свозят, а не на воротах расписывают. Считаю первым делом определить, у кого сколько сметаны было, у кого сколько осталось…

– Спасибо за сотрудничество, дальше правоохранительные органы разберутся сами. Пройдите, пожалуйста, на место, – прервал речь пострадавшей Алексей Николаевич и подтолкнул ее к выходу в зал.

Зал зашумел, наметилось беспокойство. Степан Арсеньевич третий раз постучал туфлей, опять же по полу и налил себе в стакан воды.

– По данным нарушением следствие будет работать. А пока, по предложению Степана Арсеньевича, будет установлено ежедневное дежурство. Постом для наблюдения мы определили чердак Шмеля Сергея Александровича. Он располагается в непосредственной близости от места преступления и имеет обзор всей деревни. Начало дежурства – ровно в двадцать два ноль-ноль по местному времени, – интеллектуал Сергей, чей чердак был определен как наиболее подходящий, озадаченно приподнял брови. – Желающих принять участие, просим записаться в журнале. С сегодняшнего дня будет составлен график дежурств.

Степан Арсеньевич открыл журнал и посмотрел в зал. Желающих не намечалось, он грозно постучал ручкой по столу и уточнил:

– Уважаемые! Идет речь о чистоте нашего имущества. Пока дело не дошло до серьезных правонарушений, предлагаю предотвратить дальнейшие посягательства на наше имущество путем посменных дежурств.

Последовала пауза, желающие обозначаться все еще не желали. Все затихли и отвлеченно смотрели по сторонам. Доярка Валя осмелилась и уточнила:

– Материальной заинтересованности нет.

Голова покачал головой, Алексей Николаевич вновь посмотрел на часы и зевнул.

– Разрешается самому выбрать удобную дату для дежурства. Дежурному будет выдана фуфайка, термос с чаем и средство самозащиты в виде баллончика огнетушителя, – наконец ответил голова и вновь осмотрел зал в поисках заинтересованных.

– Порошковый или углекислотный? – уточнил местный пожарник Виктор Кузьмич.

Степан Арсеньевич посмотрел на Алексея Николаевича, тот пожал плечами.

– Этот вопрос будет уточнен позже. Вы с какой целью этим интересуетесь? – голова подозрительно посмотрел на Виктора Кузьмича.

– Да так, для уточнения, может, если что, провести курс пользования, чтоб без происшествий.

– Хорошо, мы это учтем. Попрошу высказываться по сути дела. Еще вопросы есть?

– Пенсию повышать когда будут? – поинтересовалась пенсионерка Любовь Петровна.

– Это к делу отношения не имеет, – недовольно ответил Степан Арсеньевич. – Раз больше вопросов нет, записываем всех присутствующих мужчин мужского пола, исключения – тяжело больные при предъявлении соответствующей справки.

Присутствующие поспешили покинуть зал.

– Перекрыть все выходы, – не растерялся Алексей Николаевич.

Степан Арсеньевич с журналом быстро пробежал к единственному выходу, уже оперативно перекрытому шваброй Катерины Павловны. Он одобрительно похлопал ее по плечу и произнес:

– Выпускать только при наличии явно выраженных признаков женского пола.

Доярка Валя, гордо выставив вперед грудь, вышла из зала, за ней последовали остальные, имеющие подобные признаки. Мужская половина зала заметно погрустнела.

– Каждому будет присвоен индивидуальный номер и сообщена дата дежурства, согласно полученным координатам, записанные должны явиться к семнадцати часам указанного дня к секретарю и получить положенную амуницию. В восемь утра следующего дня явиться туда же для сдачи колхозного имущества и доложения обстановки, – по-военному объявлял Алексей Николаевич, шагая по сцене. – Кроме того, на дни, которые являются праздничными, либо выходными, лицо, попавшее в этот период дежурства, будет проинструктировано отдельным образом.

Степан Арсеньевич пытался записать «желающих», которых собственно-то и не выявлялось совершенно. Тем временем Катерина Павловна со шлагбаумом в виде швабры производила разделение женского и мужского полов, а Алексей Николаевич следил за порядком в зале. Возле сельского головы собралась толпа мужчин в возрасте от двадцати пяти до восьмидесяти пяти лет, каждый из их пытался в устной форме доказать свою непригодность к дежурству по состоянию здоровья, на что Степан Арсеньевич иногда выкрикивал: «Справку, будьте любезны». Шум все усиливался, пока деда Ивана не осенило.

– Тофарищи, у наф ше ефть дофтор.

На секунду наступила тишина, но вскоре смысл и существенность высказывания деда Вани дошел до присутствующих, и они кинулись к Семену Васильевичу. Последний грустно сидел на месте, желания вступать в дежурство у него тоже не было. Сергей с интересом проследил движение тяжело больных, и снова принялся наблюдать за Катериной Павловной.

Представитель пожарной части Виктор Кузьмич пытался восхититься ее прелестями, цитировал раннего Есенина и нежно поглаживал руку уборщицы, лежащую на швабре. Катерина Павловна, смущенно потупив взгляд, томно вздыхала и скребла носком ботинка кусок грязи, въевшийся в линолеум. Сергей достал из нагрудного кармана блокнот с маленькой линеечкой, вырвал листик и скатал его в шарик. Оглядевшись по сторонам, он сконструировал ручную катапульту, прицелился и направил шарик в Виктора Кузьмича.

– Прямое попадание, – равнодушно прошептал Сергей и вновь принялся изучать спичечный коробок.

Виктор Кузьмич потер место попадания, осмотрел зал и вновь обратился к Катерине Павловне:

– Катенька, я наблюдал несравненной красоты цветы, растущие на клумбе около Вашего дома, но Вы по красоте своей внешней и душевной затмеваете их во сто раз. Если бы Вы были

так любезны, разрешить мне проводить Вас к дому, я был бы несказанно счастлив, – Виктор Кузьмич элегантно взял даму под руку и, продолжая изливать комплименты в ее адрес, вышел из зала.

– Однако, – произнес Сергей, и пошел регистрироваться.

Доктор признал неспособными нести службу пятерых жителей из семнадцати претендующих на звание тяжелобольных, в подтверждение чему выписал справки, заверив их своей подписью, что Степан Арсеньевич одобрил. Остальные, громко возмущаясь, все же записались. Последним зал попытался покинуть Семен Васильевич, на что Алексей Николаевич выразил свое возмущение.

– А я буду нести службу дома, в случае чего чтобы оказать врачебную помощь пострадавшим. Мало ли чего может случиться, а врач должен быть наготове и иметь бодрое состояние, – убедительно посмотрел на Степана Арсеньевича доктор.

– В Ваших словах есть смысл. В тылу нужны медработники, вдруг раненные пойдут партиями, – резюмировал Алексей Николаевич.

– Какими партиями? Какие раненные? У нас просто подростки хулиганят. – Степан Арсеньевич посмотрел на участкового, – Впрочем, врачи отстраняются от дежурств без предъявления справки, – закрывая журнал, одобрил сельский голова.

Так, не очень удачно, по мнению двенадцати записанных в журнале мужчин в возрасте от двадцати пяти до восьмидесяти пяти лет, закончился воскресный день.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

Дав хулиганам последний шанс одуматься, комиссия в составе участкового Алексея Николаевича и сельского головы Степана Арсеньевича, определила датой начала дежурств вечер следующего дня. Первым дежурствующим обозначился дед Кирилл. Возраст оного исчислялся восьмидесяти двумя годами, телосложение хрупкое, поведение застенчивое.

Ровно в семнадцать ноль-ноль, робко просунув голову в дверь, ведущую в приемную сельского головы, дед Кирилл прибыл для получения указаний по дежурству.

– Здрасте, я тут, чтоб это… по дежурствам, – обратился он к секретарше, не решаясь войти в комнату.

Яночка равнодушно посмотрела на голову обратившегося и встала.

– Та Вы войдите, сейчас выдам инвентарь.

Она достала из шкафа потертую фуфайку, баллон огнетушителя, термос и включила чайник.

– Вот, получите, – она протянула фуфайку и огнетушитель. – Сейчас сделаю чаю.

Дед примерил костюм сторожа, приподнял огнетушитель и попытался замахнуться им, но средство самозащиты было неманевренно, и тяжело упало на плечо. Деда Кирилла подкосило и повело назад, огнетушитель выскочил из рук и упал на ногу секретарши. У Яночки округлились глаза, а мозг заработал беспорядочно быстро, пытаясь найти подходящие для данного случая выражения лица и эмоций. Дед, согнувшись, схватился за поясницу и, махнув рукой на огнетушитель, отошел в сторону.

Степан Арсеньевич закончил разбор дел и вышел в приемную, где и обнаружил свою секретаршу с кривой гримасой на лице, а также перекошенного деда Кирилла в колхозной фуфайке. Яночка держалась за ногу и жалобно всхлипывала, показывая взглядом попеременно на посетителя и на огнетушитель. Степан Арсеньевич был человеком неглупым и все понял.

– Кирилл Петрович, Вы что себе позволяете? Средство самозащиты необходимо держать при себе, зачем же поручать такое деликатное дело девушке? – взволнованный голова подошел к Яночке и осмотрел ее открытый бюст.

Яночка всхлипнула еще выразительней и попыталась встать на ногу, что закончилось беспомощным падением в руки Степана Арсеньевича и потерей сознания. Степан Арсеньевич принял тело секретарши в свои руки и растерянно на него посмотрел. Тело было ничего, но Степан Арсеньевич взял в руки и себя, положил девушку на диван и решительно вскрикнул:

– Врача! Вызовите доктора немедленно.

Он огляделся по сторонам, наткнулся взглядом на растерявшегося Кирилла Петровича, и вспомнил, что секретарша, исполнявшая обычно подобные просьбы, сейчас в состоянии обморока. Степан Арсеньевич еще раз посмотрел на деда, но выражение его лица свидетельствовало о незнании правил пользования офисной техникой. Обстоятельства вынуждали действовать самостоятельно. Степан Арсеньевич пошарил на столе у Яночки и нашел список экстренных телефонных номеров:

1. 6-39-11 – милиция (Безухов А. Н.)
2. 6-36-66 – скорая (Спасский С. В.)
3. 6-33-74 – пожар (Горячий В. К.)
5. 6-33-12 – парикмахер (Лимонова Г. И.)
6. 6-32-20 – Наташка
7. 6-32-47 – шеф

Набрав телефонный номер, значившийся в списке под номером два, Степан Арсеньевич озабоченно посмотрел на Яночку и отвернулся. Яночка приоткрыла один глаз и осторожно поправила прическу.

– Семен Васильевич – это Степан Арсеньевич. У нас тут травма, срочно приходите в приемную. Это Яночка. Да вы быстрее, объяснения на месте, – тихо проговорил в трубку голова, дабы не разбудить Яночку.

– Кирилл Петрович, Кирилл Петрович! Что ж Вы так, – положив трубку, укоризненно проговорил Степан Арсеньевич, дед Кирилл виновато потупил взгляд и вздохнул.

– Может ее это – водичкой окропить? – неуверенно предложил он Степану Арсеньевичу, показывая на графин с водой.

Степан Арсеньевич внимательно посмотрел на деда Кирилла, затем на графин, затем на бюст Яночки и решительно взял графин с водой. Яночка, внимательно слушавшая разговор, напряглась и приоткрыла один глаз, в это время Степан Арсеньевич, закрыв глаза, выплеснул на нее воду. Не ожидавшая такого поворота событий, последняя громко ахнула и подскочила. Левая нога была повреждена и Яночка вновь опустилась на диван. Тушь потекла, а атласная кофточка, приняв облегающую форму, эротично выделила округлости.

– Ого, – удивился дед Кирилл и, согнувшись еще больше, сел в кресло.

Степан Арсеньевич приподнял брови, одобрив состояние Кирилла Петровича, и также сел в кресло. Яночка на одной ноге поскакала к зеркалу и принялась поправлять макияж. За дверью послышались шаги, Степан Арсеньевич определил их как докторские и попытался что-то сказать, но опоздал. Семен Васильевич распахнул дверь, Яночка отлетела к шкафу и медленно сползла вниз.

– Где пострадавшая? – запыхавшись, поинтересовался доктор, и, проследив за испуганным взглядом Степана Арсеньевича, замолчал.

Сидевшие медленно встали и посмотрели на Яночку, Семен Васильевич тихонько закрыл дверь и посмотрел за нее.

– Может, это – водичкой ее того? – вновь неуверенно предложил дед Кирилл, Степан Арсеньевич посмотрел на пустой графин в руках, а Яночка подскочила.

За дверью вновь послышался топот одной пары ног.

– Где труп? – распахнув двери, прокричал Алексей Николаевич.

Степан Арсеньевич и дед Кирилл снова беспомощно сели, Алексей Николаевич замер и нерешительно посмотрел за дверь.

– Да, уж, – многозначительно промолвил он.

Семен Васильевич возлежал на Яночке, длинные красивые ноги секретарши небрежно торчали из-под тела доктора. Степан Арсеньевич сглотнул слюну, они с дедом Кириллом снова встали и осторожно подошли к упавшим.

– Еще есть пострадавшие? – осведомился участковый.

– Пока больше нет, – ответил Степан Арсеньевич и с грустью посмотрел на неровно дышащие тела.

– Живые? – поинтересовался дед Кирилл, кивая в сторону шкафа.

Яночка набрала полную грудь воздуха и с отвращением посмотрела на Семена Васильевича, чей нос располагался как раз в промежутке ее окружностей. Семен Васильевич не мог прийти в себя от созерцания прелестей Яночки, за что был награжден оплеухой. Доктор быстро встал и подал даме руку, но она отмахнулась и попыталась встать сама. На помощь несчастной кинулись Алексей Николаевич и Степан Арсеньевич, но по пути столкнулись лбами и, почесывая ушибы, разошлись по сторонам, метая друг на друга недовольные взгляды. Яночка поднялась самостоятельно, смахнула с себя пыль и попрыгала к своему столу.

– Говорила – шкафу там не место, зеркало нужно перевесить. Так, нет же, все равно сделает по-своему, – ворчала Яночка, припудривая носик у себя за столом.

– Доложите обстановку. Отчего так рано пострадавшие наметились? – переключился на текущие вопросы Алексей Николаевич.

Степан Арсеньевич махнул рукой, достал носовой платок и протер лоб. Алексей Николаевич посмотрел на деда Кирилла, тот смутился и взялся за поясницу.

– Так, оно шо? Силы не рассчитал, и этот, того, а потом вот так ее там бах, и она туда, а тут Вы, и она опять, а с нею и он, – пытался объяснить дед Кирилл, периодически показывая на огнетушитель, дверь, шкаф, доктора и Яночку. – Ну, в общем, вот так, – закончил дед Кирилл и посмотрел на участкового.

– Вы формулируйте внятно и по порядку, – предложил Алексей Николаевич.

Степан Арсеньевич вновь махнул рукой.

– Семен Васильевич, Вы бы осмотрели пострадавших, оказали помощь медицинскую, если такова необходима. А Вы, Кирилл Петрович… как можно, всего то и нужно было забрать спецформу. – Степан Арсеньевич устало вздыхал и крутил гайку огнетушителя.

Через пол часа в приемной сельского головы можно было наблюдать секретаршу Яночку с перебинтованной ногой, Семена Васильевича с красным опухшим ухом, деда Кирилла в согнутом виде, а также Степана Арсеньевича и Алексея Николаевича с ушибленными лбами. Все грустно сидели, тишину нарушало тиканье часового механизма над дверью сельского головы. Яночка, подперев рукой голову, мечтательно смотрела на календарь с Джонни Деппом. Семен Васильевич следил за надоедливой мухой и пытался прицелиться в нее медицинским молоточком.

– Хо-ро-шо, – оборвал молчание Алексей Николаевич.

– Да… хорошо, – мечтательно подтвердила Яночка, представляя себя в объятиях Джонни Деппа.

– Что хорошо? – посмотрев на Яночку, поинтересовался Степан Арсеньевич.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – подытожил участковый.

Дед Кирилл всхлипнул, пытаясь выпрямить спину, и недоверчиво посмотрел на участкового.

– А дежурный сегодня то, кто? – поинтересовался Алексей Николаевич, обратив внимание на огнетушитель.

– Я, – дед Кирилл скромно приподнял руку.

Участковый внимательно осмотрел его и уточнил:

– А что, справки нету?

– Неа, – с сожалением сказал дед Кирилл и с надеждой посмотрел на доктора.

– Неа, – утвердительно ответил на вопросительный взгляд участкового доктор.

– Хо-ро-шо, – вновь проговорил Алексей Николаевич и встал. – Терять времени не будем, необходимо обеспечить нахождение дежурного на боевом посту.

Дед Кирилл, вспомнив войну, поднялся и отдал честь участковому. Алексей Николаевич одобрительно кивнул и поправил на полусогнутом деде воротничок фуфайки.

– Что с чаем для дежурного? – поинтересовался у Яночки Степан Арсеньевич.

Яночка поморщилась, вспомнив свою беззаботную жизнь до появления в приемной незадачливого деда, и попыталась встать. Семен Васильевич заинтересованно посмотрел на это дело и констатировал:

– Требуется госпитализация. Оформим как производственную травму, – Степан Арсеньевич погрозил ему кулаком и поспешил на помощь Яночке.

– Та ну, – махнула рукой та, поправила грудь и похромала к чайнику.

– Кирилл Петрович, Вы уже в курсе дела, поэтому буду краток, – объяснял ему Алексей Николаевич. – Ваша задача ровно в десять часов вечера по местному времени занять позицию и проводить наблюдение за округой. – он посмотрел на часы. – Сверим часы.

Дед Кирилл посмотрел на часы, висящие на стене, и утвердительно кивнул. Уставший созерцать неопытность призывника, Алексей Николаевич закончил.

– У Вас есть еще три с половиной часа.

– Вопросы есть? – вмешался Степан Арсеньевич.

– Да, а что в случае поймания преступника делать? – на всякий случай поинтересовался дед Кирилл.

– Что, что – огнетушителем его конечно, опыт у Вас уже есть, – вмешалась обиженная Яночка, вручая ему чай, и, на всякий случай, отошла подальше.

– И, пожалуйста, аккуратнее! – почти умоляюще произнес напоследок Степан Арсеньевич, пощупав ушибленный лоб.

Дед Кирилл понимающе кивнул и медленно пошел домой.

– По домам, необходимо беречь силы, – скомандовал Алексей Николаевич.

– И зализывать раны, – недовольно добавила Яночка и, взяв сумочку, направилась к выходу.

Степан Арсеньевич и Алексей Николаевич дружно подскочили, дабы проводить ее домой, но, Яночка захлопнула дверь, едва не задев при этом лицевые части обеих голов. Джентльмены растерянно посмотрели друг на друга, а Семен Васильевич, раздвинув их, вышел следом за Яночкой.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

В двадцать два десять дед Кирилл прибыл к месту дежурства и робко постучал в калитку. Никто не открывал, он постучал решительнее.

– Тю, – сплюнула Люська, наблюдавшая за дорогой из щели своего забора.

Баба Надя, высунувшая голову в большую щель своего забора, прикрытую кустарником шиповника, тихонько захихикала.

– Е, ех, – дед Иван хотел сделать замечание своей бабе, чей зад торчал возле забора, но, махнув рукой и плюнув в ее сторону, пошел в дом.

Дед Кирилл приоткрыл калитку и заглянул во двор Шмеля. Там было пусто, свет в окнах не горел. Он тихо вошел и, на всякий случай, принял боевую позицию, приподняв для обороны огнетушитель. Баба Надя, потеряв объект из поля зрения, перебежала к другой щели, ведущей во двор Шмеля и прикрытой насаждениями малины. Дед Кирилл насторожился, уловив дви-

жение малиновых веток в соседнем дворе, и тихонько прокрался к подозрительному месту. Тем временем баба Надя заняла наблюдательный пост и поняла свою ошибку.

– Мяу, – громко, почти по-кошачьему, прокричала она и затихла.

– Тьфу, – дед Кирилл уронил огнетушитель, но несколько расслабился.

Люська заинтересовано крутилась около своей щели, пытаясь что-то разглядеть. Люськин петух, нахохлившись, осторожно бегал за нею, с интересом наблюдая за ее задом.

– Кхе, кхе, – еще раз попытался привлечь к себе внимание дед Кирилл.

– А, яй, – раздалось из двора Акимовых.

Баба Надя приняла стойку сурка в степи, быстро огляделась по сторонам, и, оставшись не засеченной дедом Кириллом, вновь присела и поползла к первой щели. Дед Кирилл схватил огнетушитель и побежал на дорогу, интеллектуал Сергей приоткрыл ему калитку со стороны улицы и посторонился. Выбежав на дорогу со своим «оружием», дед Кирилл стал посередине и прислушался. Баба Надя затихла около щели, ведущей на дорогу. Интеллигент Сергей скучающе покачал головой и присел на скамейку. Во дворе Акимовых слышался шум бегающих ног и кудахтанье. Баба Надя высунулась из щели по пояс, интеллигент Сергей заинтересованно посмотрел на силуэт, торчащий в пол метре от себя, и осуждающе покачал головой. Дед Кирилл тихо подкрался к забору Акимовых, положил огнетушитель и, схватившись руками за край забора, неуклюже приподнялся для выяснения обстоятельств шума. Баба Надя высунулась еще больше, дед Иван вышел из дому и вновь посмотрел на зад своей старухи, торчащий уже из забора.

– Ниче нового, – он махнул рукой и снова вернулся в дом.

– А, яй, – баба Надя вывалилась из щели и упала к ногам Сергея.

Дед Кирилл отпустил руки и упал на зад, так и не дотянувшись до верха ворот. Во дворе Акимовых затихло. Люська, оставив петуха безнаказанным, вновь подбежала к забору и посмотрела в щель.

– Почему опаздываете? – осуждающе посмотрел на деда Кирилла интеллектуал Сергей, помогая бабе Наде подняться. – Сказано же, ровно в десять быть на месте дежурства. Что же это, я каждого буду по пол часа ждать? У меня режим, нарушать не желательно, а Вас еще ознакомить с местом, – Сергей, приняв грозное выражение лица, стыдил деда Кирилла.

– Так я всего-то ничего, – оправдывался последний, отряхивая зад.

– Вам может и ничего, а у меня режим нарушается, и у Надежды Афанасьевны нарушается, и у Александры Егоровны также нарушается, – продолжал Сергей, подкидывая вверх камешек.

– Извиняюсь, барышни, – обратился он к бабе Наде и посмотрел на двор Акимовых.

– Тю, – сплюнула Люська, зашла в дом и демонстративно хлопнула дверью.

Баба Надя, надув нижнюю губу, гордо пошла к себе в дом. Интеллектуал Сергей зашел во двор и пригласил деда Кирилла войти. Дед, волоча огнетушитель за собой, грустно поплелся за Сергеем.

– А вот и Ваш наблюдательный пост, – насмешливо указал на чердак Сергей.

Дед Кирилл задрал голову вверх и обречено закряхтел. Затем почесал ушибленный зад и потряс лестницу. Лестница была устойчивой, но длинной.

– Так я тут, по низу буду наблюдать, – предложил он.

– Так, обзор только с чердака полный. Степан Арсеньевич вчера именно так и отметил. Что ж Вы своих односельчан подвести хотите? – шуточно пригрозил Сергей.

– Ну так, так так, – согласился с доводами дед Кирилл и полез наверх.

Сергей посмотрел на часы и, сев на крыльцо, принялся наблюдать за карабкающимся наверх дедом.

– Молодцом – семь минут двенадцать секунд, – объявил Сергей, когда дед Кирилл добрался до чердака. – Форму спортивную не теряете, похвально.

Дед Кирилл смущенно заулыбался.

– Ты то, того, не посчитай за труд, подмоги оружие сюды поднять.

– Эт мы запросто. Вы, главное, там аккуратнее, принимайте удобное положение и ни о чем не беспокойтесь.

Сергей подал деду огнетушитель и пошел в дом.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

«Двенадцать часов» – отметила про себя баба Надя, в очередной раз посмотрев на часы, и прильнув к окну. Собственно, это уже был раз двадцатый, отметил про себя дед Иван, лежавший с краю кровати. Спал он неспокойно, в этот раз ему снилось нашествие марсиан с малярскими кисточками – они дружно шагали по центральной улице и разрисовывали все ворота подряд шоколадным сливочным маслом. «Почему шоколадным?» – подумал он про себя, в очередной раз созерцая супружеский зад. «Совсем не то, что пятьдесят лет назад» – отметил он и пополз к стенке.

Дед Кирилл, напротив, за временем не следил, снабженный старым матрацем, любезно оставленным Сергеем, крепко спал, обняв огнетушитель.

Хозяин чердака тем временем набирал материал для газеты и гладил кота Матроса, умостившегося рядом на столе. Работать было неуютно – громкое храпенье деда Кирилла проходило сквозь потолок и заглушало мурлыканье Матроса. Сергей постучал пальцами по столу и встал. Матрос недовольно мяукнул. Сергей задумчиво посмотрел на потолок, затем влез на стол и постучал по потолку. Прислушался. Дед Кирилл, видимо, перевернулся на другой бок, но храпение не прекратилось.

«Час» – отметил про себя Сергей и пошел спать. Спать тоже было неуютно, он накрылся подушкой и прислушался – шум был меньшей интенсивности. Сергей тяжело вздохнул и начал медленно считать воображаемых человечков, где-то на две тысячи пятьсот двадцать седьмом, он почти заснул, но тут заорал петух.

Дед Кирилл подскочил и, обхватив огнетушитель обеими руками, огляделся по сторонам. «Вроде бы тихо» – подумал он и быстро полез вниз.

– Одна минута ровно, – бодро сообщил Сергей.

От неожиданности дед выронил огнетушитель и отдал честь.

– Вольно, – разрешил Сергей и похлопал его по плечу. – Как обстановка? Что-нибудь видели?

Смущенно оглядываясь по сторонам, дед Кирилл настойчиво молчал. Его совесть уже проснулась, и ей было слегка стыдно за неоправданное доверие.

– Да тихо все, вроде быть, – наконец ответил дежурствующий и покосился в сторону двора бабы Нади, потом виновато посмотрел на Сергея. Пару минут они смотрели друг на друга и на калитку, в глазах обоих был интерес, наконец, не вытерпев, ринулись к калитке.

– Да, – задумчиво произнес Сергей, рассматривая на воротах бабы Нади белую рожицу.

– Да уж, – виновато подтвердил дед Кирилл и огляделся по сторонам.

– Спят еще, – дед Кирилл поднял брови и с надеждой посмотрел на Сергея, тот пожал плечами. – А я вообще лицо незаинтересованное и ничего не видел, – наконец произнес Сергей и пошел домой.

Дед Кирилл еще раз огляделся по сторонам, достал из кармана носовой платок, наспех протер ворота и побежал к месту дежурства. Минут через двадцать во дворе Гороховых послышался шум. Дед Кирилл выглянул из чердака и, увидев бабу Надю, бегущую к воротам, быстро полез вниз.

«Скоро летать будет» – равнодушно отметил про себя Сергей. Когда дед Кирилл подошел, баба Надя с подозрением осматривала свои ворота, водила пальцем и носом по жирному пятну. Дед стоял сзади и переминался с ноги на ногу.

– Ну што там? – выбежала Люська и отодвинула всех от ворот.

– Ничего! – убедительно произнес дед Кирилл, Люська одобряюще похлопала его по плечу. – Оставляю тут все вам, – он растерянно указал на ворота. – А я пройдусь, просмотрю остальное все, и докладу начальству, – он взял огнетушитель под мышку и пошел в сторону деревенской мэрии.

– А шо за пятна? – вдогонку прокричала баба Надя.

– Мне велено следить, шоб надписей не появлялось, за пятнами указаний не было следить, – не поворачиваясь, прокричал в ответ дед Кирилл.

– Как петух? – поинтересовался Сергей, сидящий на лавочке около своего двора. – Вам бы его к ветеринару показать. А то непорядок – куры они птицы совсем не ночные, в такое время вечера спать должны, а Ваш шарится по округе…

Люська недовольно фыркнула и пошла в свою сторону, ее петух гордо сидел на заборе и наблюдал за нею.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

В положенный час дед Кирилл тихонько вошел в приемную головы. Никого не наблюдалось, он скромно сел в угловое кресло и, опершись на огнетушитель, задремал. Через пятнадцать минут прихромала Яночка, неслышно подошла к дверям начальника, чтобы в очередной раз убедиться, что шеф снова пришел раньше нее. Она грустно вздохнула, тихо допрыгала до зеркала, критически осмотрела себя, поправила прическу и попрыгала к рабочему столу. Нанесению макияжа помешало храпение деда Кирилла. Яночка вздрогнула и огляделась. Увидев раннего посетителя, она поежилась и поджала ногу, затем приняла рабочую позу и громко поинтересовалась.

– Кирилл Петрович?

Нарушение тишины неадекватным образом подействовало на деда Кирилла. Он испуганно подскочил, схватил огнетушитель и прицелился в Яночку. Яночка сглотнула слюну и полезла под стол. Тут открылась дверь, и вошел Степан Арсеньевич. Дед Кирилл повернулся в сторону вошедшего и уронил огнетушитель. Средство пожаротушения не выдержало неправильного обращения с собой и самопроизвольно сработало на Степана Арсеньевича. Дед, с несвойственной ему резвостью, вскочил на кресло и часто задышал. Степан Арсеньевич беспорядочно забегал по приемной, пытаясь укрыться от огнетушителя, наконец, наткнулся на свою дверь и быстро проскочил в кабинет.

– Пожар, то есть помогите, – неуверенно прокричала Яночка и робко выглянула из-под стола.

Часть секретарши, выглядывающую из-под стола, накрыло пеной. Яночка оцепенела и шокировано уставилась прямо перед собой. Степан Арсеньевич приоткрыл дверь – в его сторону ничего не происходило. Он аккуратно высунулся и огляделся. Вид Яночки его озадачил.

– Ложись, – наконец скомандовал он, чем вывел Яночку из оцепенения, она очнулась, посмотрела на шефа и понимающе кивнула.

Огнетушитель замер, Степан Арсеньевич решился выглянуть более явно. «Отдохнув», средство пожаротушения вновь заработало и вновь в сторону Степана Арсеньевича.

– Прекратите это безобразие, – захлебываясь потребовал Степан Арсеньевич и закрыл дверь.

Прекращать никто не решался, так как ни у кого не было ни опыта в обращении с огнетушителем, ни желания попадать под пену. Яночка ахнула и сползла под стол, огнетушитель

подпрыгнул и направил пену под стол. Яночка завизжала не своим голосом и попыталась выбраться из-под стола, но застряла. Наконец Степан Арсеньевич взял инициативу на себя, осторожно открыл дверь и, схватив по пути мусорное ведро, на цыпочках вышел из кабинета. Уныло, с явно выраженным соболезнованием на лице, он секунду смотрел в район прикрытия Яночки, затем решительно подскочил к огнетушителю и, накрыв его ведром, сел сверху. Под ведром еще несколько секунд слышался шум, затем все стихло. Дед Кирилл облегченно сполз в кресло. Степан Арсеньевич устало достал платок и стряхнул с пиджака пену, сейчас он гордился тем, что на вместительное мусорное ведро денег не пожалел. Поняв, что опасность миновала, Яночка зашевелилась под столом. Мужчины вытянули шеи и посмотрели на стол, вопреки ожиданиям, Яночки не показалось. Кирилл Петрович привстал и попытался заглянуть через стол, Степан Арсеньевич наклонился и заглянул под стол. Стол еще раз дернулся и вновь замер. Кирилл Петрович, кряхтя, наклонился и заглянул под стол. Степан Арсеньевич привстал с ведра и заглянул через стол. Тут Яночка громко чихнула. Мужчины передернулись и сели, Степан Арсеньевич схватился за сердце.

– М-м-м-м, – Кирилл Петрович дрожащей рукой показал на графин. – М-м-может ее, того, водичкой, того? – неуверенно предложил он, но при виде грозного взгляда Степана Арсеньевича, рука сама собой обмякла и упала на колени.

– Не-не-не надо водичкой, – завизжала Яночка, стол над ней затрясся и вновь замер.

В этот волнительный момент решил заглянуть Алексей Николаевич, дабы поинтересоваться результатами первого дежурства. Видимо ночь у него прошла отлично, так как вошел он бодро, с улыбкой и что-то напевая. При виде обстановки помещения он сперва протер глаза, потом, аккуратно ступая, присел на диван.

– Убраться бы тут не помешало, – сделал он замечание.

Стол секретарши слегка дернулся. Алексей Николаевич вопросительно посмотрел на явно обнаруженных присутствующих – Кирилл Петрович виновато потупил взгляд, Степан Арсеньевич грустно вздохнул. Алексей Николаевич встал и начал медленно обходить стол, периодически грозно посматривая на сидящих. Стол стоял без признаков движения. Участковый наклонился и еще раз обошел его, осматривая с более низкой точки зрения.

– А что это не видно Вашей секретарши? – выпрямившись, с некоторым подозрением обратился он к Степану Арсеньевичу.

– Просто ее стол прикрывает, вот и не видно, – пояснил дед Кирилл, Алексей Николаевич удивленно приподнял брови и вновь посмотрел на стол.

– Зачем стол прикрывает? – удивился он.

– Да не зачем, я просто застряла! – разозлилась Яночка, и стол снова дернулся.

– У Вас там секретарша застряла, а Вы бездействуете! – упрекнул Степана Арсеньевича участковый.

Степан Арсеньевич вытер платком лоб и встал.

– Яночка, Вы сильно застряли или наполовину? – поинтересовался он.

– Думаю сильно. Потому как ни одна половина не выглядывает, – предположил Алексей Николаевич, оглядывая со всех сторон стол.

– Даже половины половины не видно, – неуверенно уточнил Кирилл Петрович.

– Ага, и половины четвертины тоже, – передразнил его участковый.

– Может, вы перестанете и вытяните меня отсюда? – поинтересовалась застрявшая секретарша.

– Думаю, стоит помочь девушке, – решительно подошел к столу участковый.

– Да, необходимо, – согласился Степан Арсеньевич и подошел с другой стороны.

Дед Кирилл быстрым шагом подошел к торцу стола и принял наблюдательную позицию. Алексей Николаевич отодвинул стул и оглядел заднюю позицию секретарши, определяя наиболее подходящее место для строповки. Степан Арсеньевич в это время, присев на корточки,

попытался схватиться за Яночку спереди. Дед Кирилл озадаченно смотрел то на одного, то на другого, но слов не находил. Тут оба, выдохнув, схватились за Яночку с двух сторон и принялись тянуть. Дед Кирилл округлил глаза и задвигался из стороны в сторону, пытаясь что-то объяснить.

– Стойте! – запереживала Яночка. – Вы меня тащите в разные стороны!

Мужчины оторвались от Яночки и посмотрели друг на друга. Кирилл Петрович с чувством выполненного долга облегченно вздохнул.

– А она права, в некотором смысле, – после недолгоого обдумывания возражений Яночки констатировал Алексей Николаевич и вышел из-за стола.

– Думаю, нам следует скоординировать свои действия, – резюмировал сельский голова.

– Да, скоринировать, – согласился дед Кирилл. – Я буду тянуть отсюда, а Вы вдвоем оттуда, – он подошел к задней части Яночки и потер руки.

– Тянуть надо с одной стороны! – объяснил деду Алексей Николаевич, и отстранил его от стола.

– Может не надо тянуть? – жалобно пропищала Яночка.

– Тянуть надо! – возразил Степан Арсеньевич.

– Может, стол подвинем? А она сама по себе вытащится? – предложил обиженный дед Кирилл.

– Да, да, я лучше сама по себе вытащусь, – согласилась с ним Яночка.

Участковый и сельский голова посмотрели друг на друга и, молча, согласились. Степан Арсеньевич перешел к окну, Алексей Николаевич стал со своей стороны, и оба принялись поднимать стол. Кирилл Петрович озабоченно переминался рядом и помогал глубокими вздохами.

– Стол хороший у Вас, – пропыхтел Алексей Николаевич. – Дуб?

– Да, дуб, – пропыхтел в ответ Степан Арсеньевич.

Они приподняли стол, отодвинули его сантиметров на десять и тяжело опустили на пол. Очередной вздох деда Кирилла озвучился приглушенным старческим криком и беспорядочной жестикуляцией руками. Степан Арсеньевич и Алексей Николаевич удивленно посмотрели в его сторону, Яночка на четвереньках выползла из-под стола.

– Ой, чей-то туфель застрял, – удивилась Яночка и тыкнула пальцем под стол.

Степан Арсеньевич и Алексей Николаевич заинтересованно посмотрели туда со своих позиций, потом на свои ноги, друг на друга, а затем на Кирилла Петровича. У последнего покраснело и перекосилось лицо. Ситуация была понята без слов, и они дружно приподняли стол. Дед Кирилл медленно вытащил ногу и похромал к креслу. Остальные мужчины, установив стол на прежнее место, устало сели, Степан Арсеньевич – на ведро, Алексей Николаевич – на диван. Яночка, имеющая вид мокрой курицы, попыталась привести себя в порядок, мужчины напряженно наблюдали за ней. Ее кофточка небрежно облегала тело, а волосы совершенно не эстетично свисали мокрыми прядями.

– Убраться бы тут не помешало, – как бы ненароком еще раз сделал замечание Алексей Николаевич.

Яночка понимающе вздохнула и поправила прическу.

– Так вот сейчас Катерина Павловна как раз придет, – отметила она и сдула пену со стопки бумаг.

Степан Арсеньевич обреченно сидел на ведре и вздыхал. Дед Кирилл имел желание покинуть помещение, но не решался, сидел напряженно и поглядывал на дверь.

– Что ж Вы на ведре сидите-то, несолидно как-то, – ободряюще произнес Алексей Николаевич, и осторожно подошел к нему.

Степан Арсеньевич махнул рукой и встал. Алексей Николаевич убрал ведро с огнетушителем и начал отряхивать пострадавшего.

– Еще есть пострадавшие? – поинтересовался у деда Кирилла участковый, тот виновато покачал головой.

– Ну, тогда докладывайте, как прошло дежурство.

– Та спокойно и без приключений. Всю ноченьку глаз не смыкал, посторонних – никого, с воротами – ничего… – неуверенно доложил дед Кирилл и с опаской посмотрел на Степана Арсеньевича.

– Нет, ну не может он спокойно жить. Раз ночь прошла тихо, так утром нужно шум поднять, – прошипела Яночка.

– Значит, преступники чувствуют опасность и не показываются, – задумчиво проговорил Алексей Николаевич.

Дед Кирилл криво усмехнулся и утвердительно кивнул.

– Куда вот это все? – поинтересовался он и направился к секретарше.

– Нет, нет, сюда не стоит. Оставайтесь на месте и сложите все в кресле, – испуганно выкрикнула Яночка, отмахиваясь руками.

– Так я пошел? – спросил дед Кирилл, на что Алексей Николаевич утвердительно кивнул, а Степан Арсеньевич махнул рукой.

Как только дед закрыл за собой дверь, все облегченно выдохнули.

– Да уж, – задумчиво произнес Алексей Николаевич, – Будем ждать следующего дежурства, может что-то проясниться.

Яночка поморщилась, Степана Арсеньевича передернуло, он принес журнал дежурств и внимательно посмотрел в него.

– Ну, еще ничего. Думаю, что без происшествий, – с надеждой произнес он и закрыл журнал.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

Семейство Гороховых принимало обеденную трапезу в летней беседке. Баба Надя сосредоточенно направляла ложку в рот и машинально глотала, мысли ее были далеко, а суп уже ложек пять, как закончился. Дед Иван лениво ковырялся вилкой в лапше, не решаясь ее съесть, периодически он метал ее в сторону курей, и наблюдал за толпой, живо клюющей размякшее второе блюдо.

– И все-таки шо-то тут не то, – наконец оторвалась от своих размышлений баба Надя, задумчиво поглядев на ворота.

– Да уж, – подтвердил дед Иван, направляя очередную порцию лапши в сторону собравшихся курей.

Баба Надя, наконец, вышла из состояния задумчивости и с интересом поглядела на кудахтавших птиц.

– И шо они там нашли? – поинтересовалась она.

– Та червяка, видать, не поделили, – ответил дед и метнул лапшу в другую сторону.

Толпа курей озабоченно побежала туда же. Баба Надя, заметив краем глаза движение вилки деда Ивана, строго посмотрела на его тарелку, потом на него. Дед Иван со скучающим видом легким движением руки направил две слипшихся лапши в рот и сделал вид, что проглотил их. Баба Надя удовлетворительно моргнула и вновь поглядела на курей.

– Червяк, – вновь подтвердил дед Иван, выплюнув лапшу себе за спину.

Петух поднял голову, вопросительно поглядел на деда и побежал к лапше, куриный батальон – за ним. Баба Надя вновь строго посмотрела на супруга, потом внимательно на его тарелку. «Пересчитывает» – подумал дед и покачал головой.

– Большой червяк, – протяжно проговорил он, обернувшись на скопившихся за спиной курей.

– И откуда их набралось? Только курей баламутят, – ворчала баба Надя, накладывая себе лапши. – Тебе еще котлетки положить? – поинтересовалась она, бросая бесформенную мясную массу себе в тарелку.

– Та не, я уже тута все, – уверенно ответил дед и, вышвырнув последний кусок лапши, встал из-за стола.

Со скучающим видом он вышел на улицу, оглянулся на свою старуху – та сосредоточенно жевала лапшу и поглядывала на него. Дед Иван отошел за куст шиповника, достал из рукава котлету и забросил ее в соседний двор псу Шурику. Шурик жалобно заскулил и побежал в конуру.

– Чо ето там Шурик испугался? – поинтересовалась баба Надя, набив полный рот.

– Шмель укусил, – доложил дед Иван, направляясь в дом.

– Мистика, – подытожила старуха, глотая лапшу. – Черви летают, шмели собак кусают… – она задумчиво посмотрела на ворота и откусила котлету. – А вот кто же ворота разрисовывает? Чертовщина какая-то… Нет, магия – черная магия! – она медленно проглотила кусок котлеты и замерла, вилка выскользнула из рук, а котлета застряла в горле.

– Надька, я тут вот о чем подумала… – во двор, запыхавшись, влетела Люська и замерла, увидев бабу Надю с выпученными глазами. – Ты чего? – испугалась Люська.

Баба Надя, задыхаясь, ткнула пальцем на котлету. Люська, сообразившая, в чем дело, начала энергично хлопать подругу по спине.

Дед Иван выглянул в окно, понял сущность проблемы, и пощупал челюсть – она была на месте. Видя безрезультативность попыток Люськи привести дыхание подруги в нужный ритм, он пошел на помощь. Люська отчаянно стучала по спине подавившейся, на что та не реагировала надлежащим образом. Тут подбежал супруг.

– Может врача? – обречено предложила Люська, но дед Иван ее оттолкнул и размашисто ударил по супружеской спине ладонью. Кусок котлеты вылетел из горла бабы Нади и грациозно вошел в декольте повседневного платья Люськи.

Баба Надя часто закашляла и плюхнулась на стул, а Люська выпучив глаза, брезгливо посмотрела на деда Ивана, руки ее обвисли.

– Я б помог, но супружеский долг… Интимные места, знаете ли… Не буду мешать… Пошел. Убойные котлеты приготовлены нынче моей супругой, – сообщил он соседке. – Обязательно угости Люсию, – порекомендовал он супруге и скрылся в доме.

Применив ловкость рук и присущее ей мужество, Люська вытряхнула из платья котлету и злобно поглядела на подругу. Баба Надя гордо вскинула голову и скромно откашлялась.

– Это ж надо так постоянно умудряться. Определенно нужно иметь не абы какой талант. Вот так изгаживать весь продукт, что попадается под руки, – дед Иван снова перечитывал инструкцию к макаронам и, тайком доставая из коробки, припрятанной под кроватью, жевал ливерные пирожки.

– Ты хотела-то шо? – поинтересовалась пришедшая в себя баба Надя.

– Да вот пришла в гости к подруге, поболтать о жизни, о здоровье, – недовольно проговорила Люська, поглядывая в сторону, противоположную от собеседницы.

– А орала то чо?

– Орала? – Люська задумалась. – Кто орала?

– Ты орала.

– А чего я орала?

– Вот и я говорю, чего ты орала? У меня даже кусок в горле застрял от твоего крика, – подытожила баба Надя и вновь гордо вскинула голову.

Люська забыла о котлете и активно принялась что-то вспоминать. В мозгу копошились какие-то смутные воспоминания, но ничего определенного в голову не приходило.

– А может я и не орала, с чего бы это мне орать? – прервала свои размышления Люська и поглядела на соседского петуха, вопросительно на нее смотрящего. – Чего это Ваш петух так на меня косится, нет ли у него бешенства случаем?

– Я не знаю шо у кого как, но вот нашим курям бешенство не харахерно! И, промежду прочим, мои на чужой территории не шляются.

– Это как же не шляются, а вот вчера ваш кот на моем дворе сметану воровал, так это уж и не шляются?

– Сметану, говоришь, воровал, а шо это у тебя сметана вот так просто на дворе стоит? Лишняя, небось, девать некуда? – перешла на обвинения баба Надя.

– Дак, почему ж это лишняя, я ее к обеду в беседку вынесла, да пока на стол накрывала, этот ее и начал вылизывать, – возмутилась Люська.

– Да, шо-то тут не то, – переключилась на свои прежние мысли баба Надя. – Это видать черная магия! – Люська испуганно вздохнула. – С утра творятся хто знает какие дела.

– Да што ты! – не поверила Люська, на что баба Надя, расправив плечи и уверенно поглядев вокруг, начала.

– Вот – всю ночь у меня было неспокойствие, а потом началось… – загадочно прошептала она. – Куры ведут себя шумно, шо-то их тревожит, еще черви разлетались, вот такенные, – она изобразила пальцами что-то наподобие большой сосиски.

– Где? – обеспокоено замотав головой по сторонам, поинтересовалась Люська.

– Куры съели всех под чистую. Вот теперь думаю, не повредит ли это им?

– Да, куры ведут себя подозрительно, особенно вот этот, – Люська указала на петуха, баба Надя молча согласилась.

– А потом вот такенные шмели налетели, – баба Надя большим и указательным пальцем правой руки изобразила сантиметров десять. – Один даже искусал таво балбеса Шурика, – она указала на соседский двор. – И вот щас, кто-то пытается нас друг в друга заподозрить, – выдала довольно сложный словарный оборот она.

В Люськином мозгу наметилось шевеление извилин, брови поднялись дугой, смысл сказанного подругой не мог вместиться в ее понимании чем-то определенно понятным.

– А? – уточнила на всякий случай она, но баба Надя грозно на нее посмотрела, давая понять, что нет ничего непонятного. – Чертовщина! – подтвердила Люська.

– Здается мне, шо милиции не под силу разобраться с этим делом, они-то ни в какие магии не верят, у них только научный подход, вещественные доказательства.

– Улики! – подсказала Люська. – Слушай, так сегодня же не были разрисованы твои ворота, может они уже и утихомирились, эти фулиганы? – вспомнила она.

– Да думается мне, шо то дед Кирилл намухплевал шо-то! Стер он те надписи, шоб нихто не догадался, шо он проспал усю ночь! Иначе как объяснить жирное пятно? Я уже все обследовала – там была свежая сметана. Свежая, как и раньше! – баба Надя довольно посмотрела на Люську.

– Что делать-то будем?

– Будем брать дежурство в свои руки! Дежурить будем перпендикулярно с ихними дежурными.

– Параллельно, – уточнила Люська, баба Надя повела бровями, мысленно рисуя линии.

– Совместно, но тайно, – согласилась она и встала. – Условный сигнал «мяу», повтори.

– Мяу, – громко проорала Люська, дед Иван и интеллектуал Сергей выглянули из своих окон и озадаченно покачали головами. – Ну, как? – на всякий случай уточнила она, глядя на подругу.

– Ну… не то, шоб совсем похоже, оно, как бы б так, попротяжнее, шо ли надо б.

Следующее Люськино «мяу» было более громким и протяжным, но менее похожим на кошачье. Баба Надя продолжала давать уроки мяуканья. Дед Иван и интеллектуал Сергей

заинтересованно наблюдали за ними, кот Матрос залез на окно и критически посматривал на соседский двор. Люськин кот Сократ, оторвавшись от кота бабы Нади, Васи, навострил уши и прислушался, Вася, воспользовавшись моментом, забрал кусок недоеденной Люськиной колбасы и побежал прочь. Пес Шурик поплотнее забился в свою конуру, а жлобинский Бобер, не зная, как реагировать на такое поведение человека, на всякий случай принял боевой оскал и сел перед калиткой. Где-то двадцатое «мяу» стало походить на «мяу» естественного природного происхождения и баба Надя решила прекратить тренировку.

– А теперь по домам, – скомандовала она.

– А мяукать-то когда? – поинтересовалась вспотевшая Люська.

– Как когда? Когда увидишь врага, чтоб помощь оказать. Берешь оружие и вперед.

– А «мяу» зачем?

– Ну, шо значит зачем? Шоб на помощь пришли.

– Кто пришли? – упорно не понимала Люська.

– Я пришли, мы же вроде как с одной команды. Ты ко мне, я к тебе, как только «мяу», так вперед. Только сначала орожуе, а потом вперед, – объясняла баба Надя. – Теперь ясно?

– Ага, – довольно вздохнула Люська и насторожилась. – А оружие откуда? Я ж даже стрелять не умею, и, вообще, оружия-то тоже не имею.

– Берешь скалку и вперед, можно лопату и вперед, – баба Надя уже начинала нервничать.

– Ясно – лопата, скалка, можно грабли и вперед, – Люся понимающе закивала и пошла домой.

– Оно то что? А чем еще женщинам в возрасте заниматься? Почему б не помяукать? Своеобразный тренинг, успокаивает, сближает с природой, – вслух рассуждал Сергей, отходя от окна. Кот Матрос вопросительно посмотрел на него и пошел к маленькому аквариуму, где уже второй день обитал довольно большой жук. Сегодня Матрос решился опустить туда лапу, пытаясь достать жука, но хозяин плотно прикрыл аквариум крышкой и предложил ему альтернативный вариант еды в виде рыбных консервов. Матрос еще раз с сожалением посмотрел на жука, но отказаться от консервов не решился.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

Яночка сидела в приемной и посматривала на часы, было без пяти пять. Степан Арсеньевич нервно постукивал пальцами по столу и также поглядывал на часы.

– Никого? – не выдержав, поинтересовался он в переговорное устройство.

– Пока что никого.

– Если кто появится, сообщайте немедля, сами не предпринимайте никаких мер, – дал указание Степан Арсеньевич и достал из сейфа коньяк.

Без одной минуты пять в дверь постучали. Сердцебиение Яночки участилось, она выпрямилась и, на всякий случай, приоткрыла стол – на бумагах лежал молоток.

– Войдите, – заикаясь, проговорила она.

В комнату лениво вошел тракторист Антон и улыбнулся Яночке. Приятная наружность тридцатипятилетнего вошедшего не произвела совершенно никакого впечатления на секретаршу, давно безответно влюбленную в голливудского красавца – актера Джонни Деппа. Она с сомнением посмотрела на молоток, но прикрыть стол не решилась. «Дед Кирилл тоже с виду безобидный» – подумала она про себя и задала для данной ситуации совершенно тупой вопрос.

– Вы по какому вопросу?

– Велено явиться в пять часов вечера, чтобы получить фуфайку, чай и огнетушитель, дабы отправиться на дежурство… А вечер сегодня прелестный, ночь будет звездная, тихая – романтика, – томно произнес тракторист Антон и посмотрел на Яночку

– Я доложу о Вашем прибытии Степану Арсеньевичу, – важно проговорила Яночка и сообщила шефу о прибытии посетителя.

Сельский голова незамедлительно вышел в приемную и оценивающе посмотрел на прибывшего.

– Цель назначения ясна? – Антон кивнул. – На месте дежурства не спать, глядеть в оба, в случае появления нарушителей – брать живыми, либо, в случае превосходства сил, сообщать правоохранительным органам по рации, которая выдается с сегодняшнего дня, – Степан Арсеньевич облегченно выдохнул и попросил Яночку сделать чай.

Через десять минут Антон был снабжен колхозной фуфайкой, термосом с чаем, милицейской рацией и лопаткой из пожарного набора. Он озадаченно поглядел на лопатку и почесал затылок.

– Рацией пользоваться умеете? – поинтересовался Степан Арсеньевич и нажал кнопку.

– А где огнетушитель? – в ответ поинтересовался Антон.

– Огнетушитель был признан опасным оружием для несения дежурства и был заменен на лопатку пожарную. Она имеет ряд преимуществ перед огнетушителем, например – более маневренна, проще в использовании, имеет более направленный удар и не срабатывает без предупреждения, – раздался из рации голос Алексея Николаевича.

– Вот сюда нажимаете, в случае если помощь нужна, и далее действуете по ситуации, – Степан Арсеньевич снова нажал на кнопку. – Вопросы есть?

– Да нет, все ясно, – лениво произнес Антон и собрал выданную амуницию.

– Ну, тогда ни пуха, ни пера, – весело пожелал Степан Арсеньевич и пошел в кабинет.

– К черту, – тракторист Антон отдал честь спине сельского головы и предложил Яночке. – Не составите ли мне компанию?

– К черту меня, конечно, еще не приглашали… Благодарю, но я, пожалуй, откажусь.

– Тогда до утра. И приятных снов, – пожелал ей тракторист и, подмигнув, вышел за дверь.

Яночка облегченно выдохнула, Степан Арсеньевич высунул голову из кабинета.

– Ушел? – шепотом спросил он.

– Да, все чисто.

– По домам? – спросил Степан Арсеньевич. Яночка одобрительно кивнула и оба, схватив вещи, выбежали из помещения.

– Дверь! – резко остановилась Яночка.

– А? – не понял шеф.

– Дверь не закрыли, – уточнила секретарша.

– Да, – согласился Степан Арсеньевич.

Оба несколько секунд растерянно стояли у крыльца, но, все же, решили должным образом закрыть помещение и вошли внутрь.

– Нервы ни к черту, – уже перед кабинетом засмеялся Степан Арсеньевич.

Расслабившись, Яночка начала копаться в сумочке в поисках ключей. Неожиданно хлопнула входная дверь, оба замерли. После недолгой паузы, как по команде, Степан Арсеньевич обернулся, а Яночка молниеносно подбежала к своему столу и, схватив молоток, приняла боевую позицию. В дверях стоял ошеломленный тракторист Антон, он подозрительно посматривал на молоток в руках девушки и раздумывал, стоит ли ему принимать боевую позицию с лопаткой. Затем он медленно протянул руку с лопаткой к тумбочке и положил на нее «оружие», давая понять, что пришел с миром. Степан Арсеньевич вопросительно посмотрел на секретаршу, та спрятала молоток за спину и робко пожала плечами.

– Вы по какому вопросу? – важно спросил сельский голова, поправляя галстук.

– Хотел уточнить чай с сахаром? – неуверенно произнес тракторист Антон и забрал лопатку назад.

Степан Арсеньевич вопросительно посмотрел на Яночку, та округлила глаза.

– Народ интересуется, не экономим ли мы на нем сахар, – разъяснил Степан Арсеньевич, на что глаза Яночки округлились еще больше. – Чай спрашивают с сахаром или без? – повторил он.

– Да с сахаром конечно, как и было оговорено, – обиженно проговорила Яночка и, отыскав ключи, закрыла дверь кабинета шефа.

– Удачного дежурства и до утра, – пожелал Степан Арсеньевич и пригласил всех к выходу.

– Точно не хотите составить компанию? – шепотом поинтересовался Антон у Яночки, на что та фыркнула и, закрыв наружную дверь, гордо пошла домой.

Степан Арсеньевич сел в свою шестерку и поехал к себе.

– Да уж, нервная работа у нашего начальства, – подытожил Антон и, насвистывая, пошел в свою сторону.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

Без пяти минут десять тракторист Антон, бодро насвистывая мелодию, прицепившуюся еще утром после прослушивания радио, вошел во двор Шмеля Сергея Александровича и огляделся – света нигде не горело. Хозяин двора равнодушно посмотрел на вошедшего с высоты собственного чердака и грустно вздохнул, Надежда Афанасьевна тихонько переметнулась в малиновые кусты, а Александра Егоровна взгромоздилась на предварительно принесенную для наблюдения табуретку и посмотрела через забор.

Прошла напряженная минута ожидания – ничего не происходило. Антон, продолжая тихо что-то насвистывать, стоял посреди двора и осматривался. Хозяин двора продолжал наблюдать за посетителем с чердака, и Надежда Афанасьевна с Александрой Егоровной напряженно всматривались во все тот же двор, где отчаянно ничего не собиралось происходить.

Прошла еще одна минута. Тракторист Антон перестал насвистывать мелодию, так как сбился с ритма и напрочь ее забыл. Интеллектуал Сергей уже потерял интерес к посетителю. Баба Надя принялась искать небольшой предмет, которым можно было бы запустить в район соседского двора для оживления ситуации. Люська побежала за биноклем, так как не имела возможности наблюдать причину тишины во дворе Шмеля.

Продолжать бездействие показалось Антону бессмысленным, и он направился к лестнице, ведущей на чердак. В это время кот Матрос совершенно удовлетворенный и приятно задумчивый возвращался от соседской кошки Муськи. Пути Матроса и Антона внезапно пересеклись в районе Матросовского хвоста, что было громко озвучено диким «мяу».

Александра Егоровна, уже бежавшая с биноклем, резко остановилась и начала что-то вспоминать. «Скалка… Лопата…» – само собой пришло в голову к ней, и она беспорядочно забегала по двору в поисках чего-нибудь.

Надежда Афанасьевна замерла в согнутом положении. «Далеко не по-кошачьему» – отметила она про себя и начала искать предмет побольше, который мог бы сгодиться для защиты от нечистых сил.

С громкими криками «А-а-а-а» на улицу выбежали Александра Егоровна с вилами и Надежда Афанасьевна с половиной кирпича, где-то посередине дороги их пути пересеклись, и баба Надя от неожиданности небрежно завалилась на спину. Люська, пытаясь сохранить равновесие, стояла над ней, направив вилы в область сердца, и определяла безопасное место для их упора. Они оценивающе посмотрели друг на друга: Люська неодобрительно на половину кирпича бабы Нади сверху, баба Надя – положительно на вилы Люськи снизу. К ним выбежал тракторист Антон с лопаткой наготове и ошеломленно замер в двух шагах от них. Женщины вопросительно посмотрели на лопатку, затем на него. Александра Егоровна скромно переложила вилы из одной руки в другую, затем за спину и недоверчиво опустила взгляд на лопатку трак-

ториста. Антон все еще непонимающе смотрел на обеих женщин, но лопатку убирать не стал. Баба Надя перебралась на карачки, пытаясь встать. Люська выдвинула вилы из-за спины, давая понять остальным превосходство ее боевого снаряжения.

– Не уверен, что ночной бег с вилами сближает с природой, но определенно женщинам нечем заняться, – размышлял Сергей, наблюдая с чердака за ситуацией на дороге. – Надо предложить нашему голове открыть какой-нибудь общественный кружок… «От сорока и до нечего делать», например, или секцию «Занятие йогой для скучающих». Не ведется работа с населением, вот оно и портит сметану, – Сергей завернул кусок сала в газету и полез вниз.

Баба Надя, не отпуская кирпич, встала рядом с Люськой. Еще минуту все молчали, недоверчиво посматривая друг на друга. Наконец, все трое сориентировались в ситуации, и опустили оружие. Баба Надя поспешно втиснула кирпич в передник, Люська вновь убрала вилы за спину, Антон спрятал лопатку под мышку. Баба Надя вопросительно заморгала Люське, та непонимающе ей.

– Вы че это тут… Носитесь?.. С… – Антон развел руками, пытаясь описать, с чем они носятся, – С этим, – он показал двумя руками одновременно на кирпич в переднике бабы Нади и вилы, торчащие за спиной у Люськи.

– С этим? – поинтересовались обе, баба Надя указывая на вилы Люськи, а Люська – на передник бабы Нади.

– С этим! – после недолгого замешательства уточнил Антон и поменял свои руки местами, указывая на предметы у женщин.

Женщины проследили за движением его рук. Баба Надя изумленно поглядела на кирпич в кармане своего передника, а Люська, вывернув шею, уперлась взглядом в вилы. Обе вопросительно переглянулись и невинно посмотрели на Антона.

– Надежда Афанасьевна вилы попросила. Вот и несу ей их, – нашлась первой Люська и, передав сельхозинструмент подруге, выжидающе посмотрела на нее.

– Ночью? – выразил некоторое удивление Антон, – А зачем ей ночью вилы?

– Так… – Люська задумалась, баба Надя ехидно на нее посмотрела и злобно усмехнулась. – Ну почему же ночью? Она еще с утра попросила. Но столько дел, столько дел, а к вечеру вспомнила, да найти никак не могла. Вот нашла, несу, а тут – резко повечерело, – вновь нашлась Люська, баба Надя раздосадовано скривилась.

– А-а-а, – почесал затылок Антон и почти согласился с доводами. – А-а-а… странным образом Вы передаете соседке вилы. Как-то, необычно.

– Так вилы же… как бы это так… – Люська задумалась, баба Надя уперла одну руку в бок и ехидно прищурилась, глядя на нее. – Вилы то новые… почти, требуют аккуратного обращения, так вот Надежда Афанасьевна и приглядывалась, с какой бы это стороны их лучше так… взять, – Люська уверенно уставилась на Антона, не отводя взгляда, баба Надя – недовольно на Люську.

– Ну… – почти согласился Антон. – А Вам кирпич зачем? – обратился он к бабе Наде.

– Э-э-э… – задумалась последняя, вынула кирпич из кармана и покрутила его в руках, – Че ж кирпич? Полкирпича! – поправила тракториста баба Надя.

– Кирпич, или пол, какая разница? Зачем Вы с ним бегаете по улице? – не отставал Антон.

– Че ж это я с ним бегаю? И не бегаю я с ним совсем, – обиделась баба Надя.

– Бегаете, не бегаете, какая разница? Зачем он у Вас? – продолжал добиваться ответа Антон.

– Ну-у-у… – крутила в руках полкирпича баба Надя и напряженно думала.

– Я попросил у Надежды Афанасьевны кирпич… полкирпича, – подошел сосед Сергей и взял у нее полкирпича.

Все трое удивленно посмотрели на него, у бабы Нади отвисла челюсть.

– А-а-а… Вам зачем кирпич? – удивился тракторист Антон и, посмотрев на Бабу Надю, поправился. – Полкирпича. Ночью?

– Ну, пол кирпича у меня уже есть, а второй половины нет. Орехи колоть на чем есть, а чем нету, – спокойно ответил Сергей и достал из кармана орех.

– Чо совсем нечем? – недоверчиво уточнил Антон. – А, там, молоток, например… Что нету?

– Ну почему же нету? Все есть, но в сарае, а ключ от сарая найти не могу, а орехов хочется.

– А почему ночью? – опять заинтересовался Антон и вопросительно посмотрел на Сергея. Сергей заглянул ему через плечо и вопросительно посмотрел на бабу Надю, давая ей слово. Та пожала плечами.

– А вы думаете, шо легко найти полкирпича? Вот пока обыскалась – повечерело. А, думаю, сидит бедный человек, орехов хочет, а расколоть не чем. Так уж лучше ж поздно, чем с утра, – нашлась сообразительность и у бабы Нади.

Антон понимающе повел бровями и собрался уходить, но спохватился и уточнил.

– А кричали зачем?

Женщины взглянули друг на друга и на Сергея, он отвлеченно подбросил орех.

– Шмель! – вдруг нашлись и громко выкрикнули обе.

У интеллигента Шмеля Сергея Александровича орех выпал из рук. Антон удивленно на него посмотрел. Затем оба обратили вопросительные взгляды на женщин.

– Шмель, – повторила баба Надя, Люська замахала руками, изображая крылья. – Укусил, – пояснила баба Надя.

– Ее, – уточнили обе, баба Надя, указывая на Люську, а Люська, указывая на бабу Надю.

– Меня, – поправили друг друга обе, баба Надя, указывая на себя, а Люська – на себя.

Антон потряс головой от обвала информации.

– Обеих, – подытожил Сергей. – Завтра, наверное, дождь будет – шмели низко летают и агрессивные. Точно к дождю.

Антон вновь потряс головой, но спорить не стал. Он умных книжек читал мало, народными приметами не владел, и выглядеть глупым не желал. Поэтому он рассудительно закивал головой и поплотнее закутался в колхозную фуфайку.

– Да, холодает, видать к дождю, – подтвердил он.

– Ну, не будем Вас задерживать, дамы. Спокойной ночи! И, спасибо за кирпич… полкирпича – Сергей вместе с Антоном пошел к себе. – Вы только кота моего больше не топчите, пожалуйста, – обратился он к попутчику. – А то он авторитет среди местных кошек потеряет. Знаете ли, от такого крика и голос можно сорвать.

– Я ж не нарочно, – извинился Антон. – Сам чуть дар речи и слух не потерял – орет он громко, напужал.

– Так Вы теперь под ноги смотрите. А на счет ночи не переживайте – сегодня нечетный день, ворота расписывают только по четным. Убеждения у них какие-то, – просветил его Сергей. – Ну, вот и пришли.

– Тогда, спокойной ночи, приятных снов, – пожелал Антон и полез на чердак.

– Вы хоть не храпите?

– Замечен не был. Никто не жаловался. Да я, вообще, на дежурстве, то есть спать не полагается.

– Оно-то не полагается, но, знаете ли, все же хорошо, что не храпите, – успокоившись, Сергей пошел в дом.

– Кот! – недовольно проговорила Люська.

– А я то и смотрю, что орет натурально – уж больно по-кошачьи, – оправдывалась баба Надя.

– Мяу, видите ли орать. Это что ж, теперь ко всем котам бегать всю ночь будем? – бормотала раздраженно Люська.

– Ну, ладно, давай на сегодня отбой, а завтра подумаем над другим условным сигналом. Глядишь, сегодня по старой традиции и не распишут ворота, – баба Надя поспешила домой, Люська махнула на нее рукой и поспешила к себе.

* * * * * * * * * * * * * * * * * *

Когда Люськин петух сообщил о начале следующего дня, Сергей, потягиваясь, вышел из дому и посмотрел на чердак. Антон, зевая, бросал камешки в сторону петуха.

– Утро доброе! – бодро поприветствовал сторожа Сергей.

– Привет хозяину чердака! Как спалось?

– Отлично! С тобой можно идти в разведку, – похвалил его Сергей.

Антон сполз с чердака и принялся растягиваться.

– Место отличное у тебя – видно всю округу, как на ладони.

– Есть такое дело, – согласился Сергей. – Что-нибудь происходило?

– Да нет. К воротам никто не подходил, разве что потусторонние силы могли. А вот продавщица Леночка с нашим шофером Васей полночи мяли колхозный стог сена. Но, думаю, эта информация к делу не относится, а потому оглашать не буду.

– Да уж, – улыбнулся Сергей, сам не раз наблюдавший за похождениями местной молодежи и не совсем молодежи. – Пойдем к забору, отметимся? – и они направились «отмечаться».

– Ну вот, чисто, никаких следов сметаны, – довольно оглядывая ворота Гороховых, обратился к Сергею Антон. – Можно считать, что долг перед селом выполнил. Так и доложу нашему голове, а то он нервничает много, – они развернулись и собрались, было идти.

– Стойте! – выбежала баба Надя и, наспех надевая платок, вплотную прижалась лицом к забору.

Молодые люди повернулись и удивленно на нее посмотрели. Та пальцем терла забор, принюхивалась и осматривала его с разных ракурсов. Антон вопросительно посмотрел на Сергея, тот пожал плечами. Баба Надя тем временем отошла подальше, уперла руки в боки и медленно прошлась вдоль забора, иногда наклоняясь и гладя на него снизу вверх. Парни выжидающе присели на лавочку возле двора Сергея и, посмотрев друг на друга, пожали плечами. Выбежала сонная Люська и стала ходить вместе с подругой. Баба Надя почесала затылок и посмотрела на парней.

– Ничего, – констатировала она.

– Да уж, – подтвердил Антон.

– Молодец! – похлопала его по плечу Люська.

– Разрешите идти? – обратился он к бабе Наде, та кивнула в знак согласия.

Антон, насвистывая новую мелодию, бодро зашагал по улице.

– Вам полкирпича вернуть? – поинтересовался у бабы Нади Сергей.

– Нет уж, оставьте себе, – недовольно пробурчала та. – Шо ж мне для соседа полкирпича жалко подарить? Да даже целого не жалко.

– А-а-а… мне вилы, пожалуйста, верни, – на всякий случай уточнила Люська и, посмотрев на усмехающегося Сергея, добавила. – Когда закончишь там все, что надо.

На этом все и разошлись.

* * * * * * * * * * * * * * * * * *

Яночка гордо вошла в приемную сельского головы, свое рабочее место по совместительству, за пятнадцать минут до начала рабочего дня. Дверь была закрыта.

– Ес! – ликующе прошептала Яночка и довольно оглянулась – никаких признаков кого-либо пришедшего на работу или на прием раньше нее не наблюдалось.

Напевая веселую детскую песенку, она торжествующе присела на стул и аккуратно сложила бумаги. За дверью послышались шаги, и зашумел ключ в замке. Яночка поправила прическу и, открыв папку входящей документации, принялась «внимательно» изучать бумаги.

Степан Арсеньевич, после некоторой заминки с замком, зашел в приемную, внимательно осматривая ключ. Он направился прямиком в кабинет, но застыл, рука замерла на ручке двери, а левая нога повисла в воздухе. Он осторожно повернулся налево, зафиксировал взгляд на Яночке, вновь посмотрел на свою дверь и потряс головой. Затем вновь осторожно повернулся налево – Яночка сидела на месте, на своем рабочем месте. Степан Арсеньевич перевел взгляд на наручные часы, внимательно изучил информацию, зафиксированную на них, удивленно приподнял брови, сделал шаг назад и посмотрел на часы, висевшие над дверью. Он еще больше приподнял брови, поправил галстук и присел рядом с секретаршей, поставив дипломат на колени. Яночка невозмутимо перекладывала бумаги.

– Доброе утро! – вежливо поздоровался Степан Арсеньевич.

– А, Вы уже пришли! – удивилась Яночка, оторвавшись от бумаг. – Доброе утро!

– Работаете? – последовал вопрос. – Уже? Вот так, прямо с утра и на… то есть в работе?

Яночка изобразила обиженность и захлопнула папку.

– Да! Рабочий день начался, вот и работаю! – она отложила папку и взяла журнал регистрации.

– И чувствуете себя тоже ничего? – поинтересовался Степан Арсеньевич.

– А почему Вы интересуетесь моим самочувствием? Нога еще побаливает, но, в целом, и ничего.

– Да-с… – задумался Степан Арсеньевич и с подозрением посмотрел на Яночку. – Ну-с, а я у себя, если что – обращайтесь.

– Если что, что? – Яночка посмотрела на часы.

– Если что кто, то сами мер не предпринимайте! – уточнил Степан Арсеньевич.

– Если что, что кто где? – не совсем поняла Яночка.

– Что если где-то кто-то и для чего-то о чем-то, то докладывайте немедленно!

– А что, если… – начала Яночка.

– В любом случае докладывайте! – оборвал ее Степан Арсеньевич и зашел в кабинет.

Яночка мысленно прокрутила в голове сказанное шефом и задумалась. Потом удивленно посмотрела на раскрытый журнал и взглянула на обложку. Зазвонил телефон, оторвав ее от размышлений. Яночка медленно взяла трубку и открыла рот, но сказать ничего не успела. Говорящий на другом конце провода высказался быстро и повесил трубку. Яночка поправила прическу и достала зеркальце. Оно показывало вполне симпатичную, на ее взгляд, девушку с безупречным макияжем и вполне приемлемой прической. Она посмотрела на телефон и забарабанила пальцами по столу.

– К нам едет налоговая? К нам едет налоговая! К… нам… едет… налоговая, – повторила она несколько раз одну и ту же фразу, меняя интонацию. – К нам едет налоговая, – наконец равнодушно сообщила она в переговорное устройство и прощупала языком зубы.

– К нам едет налоговая? – раздалось в ответ из динамика.

– Налоговая едет к нам. – подтвердила Яночка, больше для себя, чем для шефа.

– Сюда? – на всякий случай уточнил Степан Арсеньевич, высунувшись из-за двери.

– Если не ошиблись номером, то сюда.

– Они же недавно нас посещали. И что опять?

– Значит, ошиблись номером. – невозмутимо ответила Яночка.

– А если ошиблись номером, то зачем Вы мне докладываете? – возмутился Степан Арсеньевич.

– Но Вы же сами сказали, что, если кто что, то сразу же докладывать! Я согласно инструкции. – парировала Яночка.

– Это правильно! – успокоился Степан Арсеньевич и закрыл дверь. – А что, если не ошиблись номером? – он снова выглянул из-за двери и внимательно посмотрел на Яночку.

– Значит, к нам едет налоговая, – подтвердила его догадки секретарша и поправила прическу.

– Вот так и докладывайте, что к нам едет налоговая, – убедительно попросил Степан Арсеньевич и вновь закрыл дверь.

– Но… – озадаченно начала было Яночка, но слушать уже было некому.

В половине девятого в приемную вошел тракторист Антон и, не поздоровавшись, присел рядом с Яночкой.

– Здравствуйте, во-первых! И почему опаздываете, во-вторых?

– Утро доброе! – томно протянул Антон. – Такую ночь пропустили. Сколько звезд падало – сколько желаний упущено.

– А Вы все собирали? – строго поинтересовалась Яночка.

– Ну, конечно же, нет. Как говорится, что упало, то пропало. Но некоторые своего шансу не упустили. И Вам рекомендую! – Антон достал из кармана три слегка помятые ромашки и вручил их Яночке. Яночка равнодушно приняла их и отложила в сторону.

– Степан Арсеньевич, к Вам посетитель, – доложила она и равнодушно уставилась в окно.

– Пусть войдет, – раздалось из динамика.

Антон скорчил рожицу и показал Яночке язык.

– И прекратите гримасничать, а пройдите на прием, – не отрывая взгляда от окна, проговорила Яночка, Антон заинтересованно заглянул туда же и, не обнаружив ничего интересного, направился в кабинет сельского головы.

Когда дверь захлопнулась Яночка достала глянцевый журнал и принялась его листать. Тут же в приемную заскочил участковый и подозрительно огляделся по сторонам. Яночка медленно накрыла журнал папкой и расправила плечи. Николай Алексеевич прошелся по комнате и заглянул под стол – Яночка робко поджала ноги.

– Где? – поинтересовался участковый, все еще заглядывая под стол.

– Кто? – поинтересовалась Яночка и еще больше поджала под себя ноги.

Алексей Николаевич выпрямился и внимательно посмотрел на Яночку. Та заинтересованно посмотрела под стол, затем на него.

– Дежурный! – после паузы уточнил участковый.

– А где он по-Вашему должен быть? – Яночка вновь посмотрела под стол и гордо выпрямилась. – У меня под столом?

– Видимо, нет, – нерешительно проговорил Алексей Николаевич и виновато посмотрел на Яночку.

– Видимо он присутствует у Степана Арсеньевича, а там… – Яночка убедительно указала под стол. – Его совершенно не видимо.

– Тогда мне туда, – указал на дверь сельского головы участковый. – И я пошел.

Яночка недовольно покачала головой и показала язык спине Алексея Николаевича. Через пять минут вышел Антон.

– Так Вы говорите, вечером свободны? – поинтересовался он у Яночки.

– Это Ваши беспочвенные предположения, которые совершенно расходятся с действительностью!

– Жестокая действительность, но… – он внимательно посмотрел на Яночку. – Я готов ждать хоть целую вечность. В общем, до завтра, – Антон театрально развернулся и пошел к выходу.

– Амуницию верните! – строго потребовала Яночка, Антон обернулся и удивленно посмотрел на нее, Яночка ткнула пальцем на фуфайку.

– Ах, это? Извольте. – он вытащил из кармана термос, рацию и, сняв фуфайку, аккуратно положил все в кресло. – Просто, глядя на Вас, совершенно все вылетает из головы.

– Главное, чтобы оно не забывало возвращаться назад! – заметила Яночка, Антон согласно кивнул и направился к выходу.

– Средство самозащиты верните также!

– Средство чего? – не понял Антон.

– Средство самозащиты, то есть лопатку.

– Ах, это? – Антон растерянно прощупал карманы. – На месте дежурства, видимо забыл. Всю ночь бдил за порядком, а лопатку, то есть средство самозащиты, забыл, там же – на месте дежурства… видимо. Да вы не переживайте, сегодня вечером дежурному не выдавайте, пускай на месте ее и примет.

– Так, если ее нет, мы ее и не выдадим. Это очевидно! А вообще – это колхозная собственность, и положено ее вернуть! – потребовала Яночка.

– Так и пусть хранится на чердаке, чтобы лишний раз не выдать ее.

– Это наша работа выдавать ее. А Вы приняли амуницию, должны вернуть в том же составе, – возмутилась Яночка.

– Ну, Вы же ее все равно выдадите дежурному, и он пойдет с ней на чердак! А тут она уже там, не нужно таскать лишний груз человеку.

– А если ее кто-нибудь украдет с чердака? Как человек будет самозащищаться?

– Лопаткой самозащищаться? Да это же курам на смех! И кому она нужна, чтобы ее красть? – поинтересовался Антон.

– Народ у нас такой – берет все, что плохо лежит. Вот у Катерины Павловны, прямо посреди бела дня веник украли, она пока в ведро воды набирала, а веник то и украли! – аргументировала свое поведение Яночка.

За окном залаяла собака, и послышался крепкий не женский мат устами женского пола. Яночка и Антон подошли к окну и выглянули. Во дворе сельской мэрии бегала уборщица Катерина Павловна со шваброй, нацеленной на местного пса Буша, который, весело виляя хвостом и зажав в зубах веник, резво мотался по двору, совершенно не страшась грозной уборщицы. После третьего круга Буш с веником просочился под забором, Катерина Павловна с разбегу ударилась о забор и упала на заднюю часть. Буш положил веник невдалеке и весело залаял на уборщицу. Последняя подскочила, и попыталась просочиться между прутьями, но застряла и, махая шваброй в сторону собаки, попробовала достать ее. Буш подхватил веник и побежал по улице. Катерина Павловна отшвырнула швабру и медленно начала выбираться.

– Может, у нее веник и лежал плохо, а лопатка надежно лежит на чердаке у Шмеля, – отметил Антон, отходя от окна. – Кроме того, собаки на чердаки не взбираются, а кот не в состоянии справиться с лопаткой.

Яночка критически посмотрела на него и хотела высказать свое дальнейшее мнение по поводу отсутствия в наличии лопатки, но тут из кабинета головы вышел участковый, и она обратилась к нему.

– Алексей Николаевич! Вот если гражданину выдана лопатка сельского имущества для самозащиты на месте дежурства, то обязан ли он ее вернуть?

– Конечно, обязан! У нас колхоз среднего достатка, вот если каждый будет забирать лопатки и не возвращать их, то так же и разориться можно, – безапелляционно ответил участковый, Антон скривился.

– Но почему же не возвращать? Я ее просто по растерянности оставил на чердаке. В целости. Просто следующему дежурному ее давать не нужно, он ее уже на чердаке и примет, – устало проговорил Антон.

– А где гарантия, что он ее там найдет? – полюбопытствовал Алексей Николаевич. – Сейчас ничего оставить нельзя – крадут. Вот недавно у Катерины Павловны веник похитили… – Алексей Николаевич осекся и посмотрел в окно на застрявшую Катерину Павловну. – Даже такую ерунду, как веник, нельзя оставить, а вы говорите о лопатке, – неуверенно продолжил он.

– Но, ведь… – начал было Антон.

– Забрать с чердака и вернуть на место получения! – прервал его Алексей Николаевич и вышел из приемной.

– Яночка, солнышко! Я же на работу опаздываю. Сдалась Вам эта лопатка! Будьте милосердны к окружающим Вас и симпатизирующим Вам людям! Давайте представим, что лопатка есть, а если ее там не найдет вечером следующий дежурный, то я Вам другую найду, – обратился к Яночке Антон, та презрительно посмотрела на него и мечтательно уставилась на плакат с Джонни Деппом, затем на завядшие ромашки, неуместно лежащие на углу стола.

– Ну, ладно. Идите на работу. А лопатку, вернете, если ее вдруг не будет на месте! – сдалась Яночка и выкинула ромашки в урну.

Антон вновь скорчил рожицу в адрес Яночки и пошел к выходу.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

В пять часов вечера дверь в приемную распахнулась, и вошел Геннадий Иванович Носиков – учитель физкультуры местной школы, сорока восьми лет от роду, крупного телосложения и грозной наружности. Яночка поправила прическу и расправила плечи.

– Шеф на месте? – поинтересовался вошедший и, не дожидаясь ответа, распахнул дверь кабинета сельского головы.

Яночка спокойно проследила за посетителем, достала из шкафа фуфайку, рацию, термос и принялась кипятить чай. Через минуту вышел Геннадий Иванович со Степаном Арсеньевичем.

– Яна Романовна Вам все выдаст. Если нет вопросов, то можете приступать к дежурству в положенное время, а к нам заходите завтра, – закончил Степан Арсеньевич.

– Все предельно ясно! Можете на меня положиться. Хулиганы, если такие появятся в диапазоне охраны, будут пойманы и за уши приведены в Ваш кабинет, – сказал Геннадий Иванович и покрутил в руках рацию.

– Если что, связывайтесь с участковым по рации, к нему же можно и хулиганов. Он дома несет круглосуточное дежурство и всегда на чеку. Как пользоваться знаете? – уточнил Степан Арсеньевич, кивая на рацию.

Геннадий Иванович оскорблено посмотрел на собеседника и кивнул в ответ с таким видом, как будто у него поинтересовались с какой стороны подходить к штанге, что должно быть предельно ясно любому, получившему минимальный уровень образования на базе двух классов начальной школы.

– Ну… Тогда удачи! – ничего не оставалось пожелать Степану Арсеньевичу, он виновато протянул руку учителю физкультуры.

– Удача всегда на моей стороне! Можете не сомневаться, – крепко сжав руку сельского головы, произнес Геннадий Иванович.

– Разве мы сомневались? – скривился Степан Арсеньевич и попытался вытащить руку из крепких кистевых объятий физрука. – Иначе, зачем бы нам Вас привлекать к дежурству? Именно по той причине, что Вы человек надежный, бдительный и ответственный, мы возлагаем на Вас спокойствие нашего села.

– Можете спать спокойно! – гордо отпустил руку Степана Арсеньевича Геннадий Иванович и выставил вперед грудь.

Степан Арсеньевич облегченно вздохнул, скривив кислую мину, посмотрел на Яночку, и пошел в кабинет. Яночка закончила с чаем и протянула термос посетителю.

– Чай! – констатировал Геннадий Иванович, открыв крышку и понюхав содержимое. – «Черный дракон»! – он отхлебнул горячий чай и, со знанием дела, уточнил сорт.

– «Черный дракон», – без энтузиазма подтвердила Яночка и взяла пачку чая с изображением черного дракона, стоящую на тумбочке.

– Я знаю толк в чаях, по запаху могу определить, – довольно произнес учитель.

– Да уж! Дегустатор с Вас что надо, – Яночка протянула Геннадию Ивановичу фуфайку. – Всего хорошего!

– Если не ошибаюсь, еще должен быть огнетушитель? – не терял бдительности Геннадий Иванович.

– Знаете, как выяснилось, огнетушитель вещь опасная, при первом же дежурстве из-за него появились пострадавшие, поэтому вместо огнетушителя выдается пожарная лопатка, она более безвредная, – объявила Яночка. – Но, в связи с тем, что при втором дежурстве лопатка была забыта на месте дежурства, Вам она не выдается так как Вы ее можете найти уже на месте. Но убедительная просьба к Вам, после дежурства, лопатку сдайте вместе с фуфайкой, термосом и рацией.

– Опасная вещь огнетушитель? – удивился Геннадий Иванович. – И кто же пострадал?

– В интересах следствия эта информация не разглашается, – Яночка начинала нервничать. – Знаете, рабочий день то у нас закончился уже десять минут назад, если что не ясно, то изложите вкратце, или освободите помещение.

– Да ясно все, до свидания, – недовольно пробурчал Геннадий Иванович, собрал амуницию и вышел. – А Вам не кажется… – уже через минуту он вновь заскочил, громко распахнув дверь. – Что лопатка как-то совсем не серьезно?

– По-моему, вполне серьезно, – настояла секретарша.

– Все-таки, огнетушитель как-то внушительней, – с сомнением проговорил физрук, оглядывая комнату. – Может мне, все-таки, его выдадите?

– Не думаю, – уверенно проговорила Яночка. – Решение выдавать вместо огнетушителя лопатку принимали Алексей Николаевич совместно со Степаном Арсеньевичем, поэтому делать какие-либо исключения для кого-либо я не в праве.

– Да… – задумчиво протянул Геннадий Иванович. – Жаль, конечно… – и он вновь направился к выходу.

– Только, пожалуйста, лопатку потом принесите, – еще раз попросила Яночка, на что физрук согласно пожал плечами.

Яночка покрутила в руках пачку чая, раскрыла и посмотрела внутрь. В пачке одиноко лежало два пакетика, «Три слона» гласили надписи на них.

– Знаю толк, могу по запаху определить. Тьфу, – Яночка швырнула пачку в стол и посмотрела в зеркальце.

– Яна Романовна, кстати, а где же обещанная налоговая? Вы же докладывали, что они к нам едут, – высунулся из двери кабинета Степан Арсеньевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.